

ДОКЛАД

№ 60 / 2020

Кризис миропорядка и будущее глобализации

Российский совет
по международным
делам

Андрей Картунов

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2020

УДК 327:316.32

ББК 66.4(0),0+66.2(0),133

К69

Российский совет по международным делам

Автор:

канд. ист. наук **А.В. Картунов**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **Т.С. Богдасарова; О.А. Пылова**

К69 **Картунов А.В.**

Кризис миропорядка и будущее глобализации: Доклад Российского совета по международным делам (РСМД). Доклад № 60/2020 / А.В. Картунов; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2020. — 60 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит.л.

ISBN 978-5-6044165-1-8

Глобализация вошла в мир бесшумно, и мы даже точно не знаем, когда именно это произошло. Споры о том, что считать стартовой точкой процессов объединения человечества, не утихают до сих пор, и разброс мнений по этому вопросу очень велик. Одни относят начало глобализации к концу XX столетия, другие связывают ее с созданием глобальных институтов управления после второй мировой войны. Современный международный дискурс о глобализации насчитывает около тридцати лет. Исторически этот дискурс стал естественным развитием дискуссий о взаимозависимости, которые велись на Западе, как минимум, всю последнюю четверть прошлого века и выступали как своеобразный противовес доминировавшим в экспертной среде нарративам неореализма.

Огромное влияние на представления о глобализации оказал системный мировой кризис 2020 г., который поставил под вопрос будущее глобализации как таковой, подверг беспощадной ревизии те фундаментальные парадигмы глобализации, которые казались незыблемыми тридцать лет назад.

В данной работе предпринимается попытка соотнести современную историю глобализации (1990–2020 гг.) с начавшимся в нынешнем году системным кризисом мирового порядка и высказать некоторые предположения о возможной динамике глобализации в будущем.

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст доклада опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке – russiancouncil.ru/report60

Источник фото на обложке: REUTERS/Maxim Shemetov/Pixstream.

Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 350 экз.

Содержание

Введение	7
Уточнение понятия	9
Мифологемы глобализации	14
Революция или стагнация?	14
Общее благо или фактор поляризации?	15
Перманентность или дискретность?	16
Синхронизация или асинхронность?	17
Унификация или плюрализм?	18
Ядро или периферия?	18
Смена трендов в исторической ретроспективе	21
Пределы усиления государств	27
Актуальность многосторонности	33
Дилеммы глобального управления	40
Суверенитет и взаимозависимость	42
Регионализация и глобализация	43
Интересы государств и глобальные блага	44
Экономическая эффективность и социальная справедливость	45
Глобализация, кризис и Россия	47
Заключение	56
Об авторе	59

Введение

«Человек вошел в мир бесшумно» — пронизательно заметил Пьер Тейяр де Шарден. Это наблюдение великого французского философа и теолога прошлого века вполне можно отнести и к глобализации. Глобализация вошла в мир бесшумно, и мы даже точно не знаем, когда именно это произошло. Споры о том, что считать стартовой точкой процессов объединения человечества, не утихают до сих пор, и разброс мнений по этому вопросу очень велик. Одни относят начало глобализации к концу XX столетия, другие связывают ее с созданием глобальных институтов управления после второй мировой войны. Кто-то считает, что основы глобализации были заложены во времена промышленной революции XVIII–XIX вв., а кто-то отодвигает истоки формирования глобального мира на эпоху Великих географических открытий XV–XVI столетий¹.

Как бы то ни было, современный международный дискурс о глобализации насчитывает около 30 лет. Исторически этот дискурс стал естественным развитием дискуссий о взаимозависимости, которые велись на Западе, как минимум, всю последнюю четверть прошлого века и выступали как своеобразный противовес доминировавшим в экспертной среде нарративам неореализма.

Политически его формирование связано с окончанием холодной войны и ощущением преодоления раскола мира на две противостоящие друг другу — и почти полностью изолированные друг от друга — системы.

Идеологически с начала 1990-х гг. глобализация ассоциировалась с триумфом политического либерализма и рассматривалась как механизм распространения норм и ценностей либерализма за пределы «исторического Запада» на весь остальной мир.

Технологически важнейшим стимулом для развития дискурса стало появление глобальной сети Интернет и начало сопутствующей Интернету революции в информационно-коммуникационной сфере.

Экономически современные дискуссии о глобализации связаны с наблюдавшимся в конце XX в. резким ростом мировой торговли и инвестиций, общемировой тенденцией к снижению тарифов и иных торговых ограничений, успехами в реализации региональных интеграционных проектов (Евросоюз, АСЕАН, НАФТА и др.).

Конечно же, представления о глобализации менялись по мере развития этого процесса, его географического расширения и углубления. Далеко не все ожидания и надежды тридцатилетней давности оправдались к концу второго десятилетия XXI столетия. Исполнение некоторых предсказаний было отодвинуто на неопределенное будущее, другие предска-

¹ Thomas L. Friedman. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*. New York, Farrar, Straus & Giroux, 2005, pp. 9–10.

зания вообще были сданы в архив человеческих заблуждений. Постепенно менялось понимание движущих сил глобализации и ее внутренней логики. Произошли значимые подвижки в доминирующих оценках сложного баланса позитивных и негативных сторон глобализации, ее главных достижений и неизбежных побочных эффектов. В итоге сложилась такая междисциплинарная сфера исследований в области международных отношений и мировой экономики как глобалистика, ставящая своей задачей выявление причин, сущности и основных тенденций процессов глобализации, ее последствий для человеческого социума и ее взаимосвязи с другими политическими, социальными и экономическими процессами в современном мире.

Разумеется, огромное влияние на представления о глобализации оказал системный мировой кризис 2020 г., который поставил под вопрос будущее глобализации как таковой, подверг беспощадной ревизии те фундаментальные парадигмы глобализации, которые казались незыблемыми тридцать лет назад. Однако нынешний кризис по сути лишь артикулировал те изменения в дискурсе, которые вызревали уже давно. Интеллектуальное и политическое наступление антиглобализма началось задолго до 2020 г. Существует мнение, что исторически кратким «золотым веком» современной глобализации стало первое десятилетие XXI столетия, а уже второе десятилетие продемонстрировало ограниченность и обратимость многих измерений этого процесса.

Когда именно произошел перелом глобальных трендов и в чем конкретно он выразился, остается предметом оживленных дискуссий. Многие связывают смену трендов в глобальном развитии с приходом к власти в США администрации Трампа и его демонстративного отказа от двух стратегических интеграционных проектов — Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). Другие считают индикатором кризиса глобализации начало американо-китайской торговой войны в 2017–2018 гг. Третьи ищут точку перелома в более отдаленном прошлом, апеллируя к глобальному финансовому кризису 2008–2009 гг., когда международное сообщество упустило исторический шанс подняться на новый уровень управления мировой экономикой. Четвертые обращают внимание на политические предпосылки нынешних проблем, а именно — на постепенный отход значительной части посткоммунистических и некоммунистических государств Евразии от казавшейся ранее безальтернативной либеральной траектории развития.

В любом случае, системный мировой кризис 2020 г. придал существовавшим ранее сомнениям относительно глобализации мощный дополнительный импульс. Антиглобалисты торжествовали победу, глобалисты оказались в глухой обороне без шансов перейти в контрнаступление в обозримом будущем. Кризис ярко высветил многочисленные недостатки и очевидную хрупкость сложившейся с начала века модели глобализации («Глобализации 1.0») во всех ее измерениях — экономическом, технологическом, политическом, военно-техническом и гуманитарном. Сам термин «глоба-

лизация» почти во всем мире приобрел негативный оттенок, в экспертном дискурсе доминирующие позиции заняли разнообразные альтернативные сценарии дальнейшего развития международной системы, в моду стали входить алармистские прогнозы, геополитическая архаика и даже геополитическая эсхатология.

В данной работе предпринимается попытка соотнести современную историю глобализации (1990–2020 гг.) с начавшимся в нынешнем году системным кризисом мирового порядка и высказать некоторые предположения о возможной динамике глобализации в будущем. Под «будущим» в данном случае понимаются два горизонта времени. Ближайший горизонт (2020–2022 гг.) позволяет оценить непосредственные последствия текущего кризиса на процессы глобализации; многие из этих последствий уже сегодня выглядят достаточно определенно. Среднесрочный горизонт (2020–2030 гг.) дает возможность рассмотреть более отдаленные последствия кризиса, многие из которых пока не столь очевидны. При этом автор предлагает на суд читателя следующие предварительные выводы:

- Понятие «глобализации» до сих пор по-разному интерпретируется как на экспертном, так и на политическом уровне; его «узкое» толкование относится к процессам международной интеграции в ее различных измерениях, в то время как «широкое» толкование включает описание социальных процессов, протекающих в отдельных обществах и государствах под воздействием развития трансграничного взаимодействия с другими обществами и государствами;
- Существует необходимость разграничить понятия «глобализации» и «глобального управления»: если первое описывает объективные экономические, финансовые, информационные и иные проявления процесса складывания глобального человеческого сообщества, то второе относится к принципам, режимам, механизмам и институтам, призванным регулировать этот процесс; глобальное управление невозможно без глобализации, но развитие глобализации не обязательно ведет к параллельному развитию глобального управления;
- На протяжении последних 30 лет представления о глобализации уточнялись и даже принципиально менялись, изначальная «мифология» глобализации постепенно уступала место более взвешенным и реалистическим оценкам этого явления; с другой стороны, постепенно начала складываться новая «мифология», связанная уже не с неоправдавшимися оптимистическими ожиданиями, а с сформировавшимися устойчивыми представлениями о негативных последствиях глобализации;
- Мировой кризис 2020 г. стал самым серьезным испытанием для процессов глобализации с 90-х гг. прошлого века; по всей видимости, в ближайшие несколько лет уровень связанности мирового социума будет снижаться, хотя и с различной скоростью в разных сферах и в разных регионах планеты;

- Тем не менее нет никаких оснований утверждать о «конце глобализации» или даже о долгосрочной и всеобъемлющей тенденции к деглобализации; объективная логика глобальных экономических и социальных процессов, а также вероятные технологические прорывы обещают новый «золотой век» глобализации — возможно, уже в начале 30-х гг. нынешнего столетия;
- Кризис привел к пробуксовке многих из самых активных драйверов глобализации, включая транснациональные корпорации, университеты, научно-аналитические центры, либеральные СМИ и институты гражданского общества; тем не менее, эти драйверы продолжают воздействовать на глобальные процессы; также сохранятся социальные и профессиональные группы, заинтересованные в продолжении процессов глобализации в ее разных измерениях;
- Представления о возвращении международной системы к принципам Вестфальского мира, как минимум, нуждаются в многочисленных оговорках, поскольку кризис выявил низкую эффективность не только многих многосторонних структур и международных организаций, но также и большинства национальных государств; только сильные и эффективные государства способны быть полноценными и ответственными участниками процессов глобализации;
- Нынешняя динамика кризиса позволяет сделать вывод о вероятности резкого снижения докризисного уровня глобальной связанности в 2020–2021 гг. с его медленным и непоследовательным восстановлением в последующие четыре-пять лет, а, возможно, — до конца третьего десятилетия XXI в. (2022–2030 гг.); некоторые аспекты глобализации (трансграничные информационные потоки) будут демонстрировать более высокую динамику, чем другие (прямые иностранные инвестиции, торговля, международные миграции);
- В то же время кризис миропорядка продемонстрировал устойчивость некоторых многосторонних механизмов (например, в рамках Европейского союза), а также отсутствие сколько-нибудь реалистических альтернатив дальнейшему движению в направлении глубоко интегрированного глобального сообщества;
- Следующий этап глобализации будет существенно отличаться от модели глобализации начала века; наряду с сохраняющимися финансовыми и торгово-экономическими аспектами, в «Глобализации 2.0» все большую роль будут играть социальные, информационно-коммуникационные и гуманитарные процессы, а также растущее давление глобальных проблем на всех участников международных отношений; преодоление глобального неравенства и необходимость перераспределения ресурсов в планетарном масштабе станут основными вызовами «Глобализации 2.0»;
- Эффективное развитие процессов «Глобализации 2.0» возможно при условии коррекции традиционных балансов между государственным

суверенитетом и взаимозависимостью, регионализацией и глобализацией, интересами отдельных государств и глобальными общественными благами;

- Наметившееся замедление процессов глобализации и начало деглобализации создает много дополнительных тактических возможностей для Москвы; однако, поскольку новый этап ускоренной глобализации представляется неизбежным, России необходимо заранее начать целенаправленную подготовку к этому этапу («Глобализация 2.0») с тем, чтобы вписаться в процессы глобализации нового поколения с большей эффективностью, чем это происходило в первом десятилетии XXI в. (в ходе «Глобализации 1.0»);
- В долгосрочной перспективе баланс позитивных и негативных аспектов глобализации будет определяться расширением или сужением разрыва между скоростью развития глобализации как базиса глобального социума (объективными процессами все более глубокой интеграции человечества в разных сферах) и качеством глобального управления как политической надстройки социума (доступными механизмами глобального и регионального управления этими процессами);
- Переход к новому пониманию глобализации и к новому качеству глобального управления тесно связан со сменой поколений политических и экономических элит в странах и регионах мира, способных выступить в качестве лидеров «Глобализации 2.0».

Уточнение понятия

В Большой российской энциклопедии глобализация определяется как современный этап интернационализации международных отношений, экономических, политических и социокультурных процессов, отличающийся особой интенсивностью. Наиболее очевидными проявлениями глобализации выступают консолидация единого мирового рынка, активное развитие межгосударственных финансовых, торговых и производственных связей, расширение денежных, товарных и людских потоков, ускоренная адаптация социальных структур к динамичным экономическим процессам, культурная универсализация, становление всеобщего информационного пространства на базе новейших компьютерных технологий².

Как можно заметить, в этом определении выделяются две предполагаемые особенности глобализации, проявляющиеся в общемировом масштабе. Глобализация является одновременно как механизмом интеграции, так и механизмом универсализации (унификации) человечества. Как отмечают российские исследователи, «Глобализация — процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации»³. Если акцент делается на интеграцию, то имеет смысл говорить о глобализации в «узком» смысле слова — как о явлении, существующем в первую очередь на уровне международной системы, как о совокупности процессов, разворачивающихся сегодня в сфере мировой экономики и политики. Соответственно, глобализация должна стать предметом преимущественного внимания со стороны ученых-международников и в меньшей степени — со стороны экономистов, социологов, культурных антропологов и пр., занимающихся внутренними социальными процессами в отдельных странах.

Если акцент делается на универсализацию (унификацию), термин «глобализация» используется в «широком» смысле слова, охватывающем не только международный уровень развития мирового социума, но также и экономические, социальные и культурно-антропологические сдвиги внутри отдельных государств. Соответственно, у международников уже нет оснований претендовать на методологическое и концептуальное лидерство в изучении глобализации; их исследования относятся лишь к верхушке «айсберга глобализации», затрагивая исключительно ее «надстроечное», наднациональное измерение.

На наш взгляд, процессы интеграции и унификации нельзя рассматривать как параллельные и, тем более, как взаимообусловленные. В реальной жизни процессы интеграции и унификации часто не столько дополняют

² Галкин А. Глобализация // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/2364517>

³ Глебов Г.И., Милаева О.В. Современные международные отношения: учеб. пособие / Г.И.Глебов, О.В.Милаева; Пензенский государственный университет. — Пенза: Пензенский государственный университет, 2010. — 98 с. URL: <https://uchebnik-online.com/131/1437.html>

друг друга, сколько противостоят друг другу⁴. В очень многих сферах интеграция требует артикуляции сравнительных преимуществ отдельных элементов системы, то есть способствует не унификации, а, наоборот, все более узкой специализации этих компонентов. Глобализация высвечивает уникальность каждого государства и общества на фоне их более тесного общения с другими государствами и обществами. В то же время, унификация далеко не всегда предполагает интенсивное взаимодействие государств и обществ друг с другом — унификация вполне может быть результатом реакции принципиально различных социумов на сходные проблемы и возможности. Именно эта идея лежала в основе популярной в середине прошлого века теории «конвергенции»: по мнению ее сторонников, СССР и США накапливали элементы общности не потому, что интенсивно взаимодействовали друг с другом, а потому, что были вынуждены реагировать на одинаковые или сходные по своей сути вызовы социального и экономического развития.

Заглядывая еще глубже в историю, приведем пример сложных и противоречивых отношений России с Европой в XVIII – начале XX вв. Эти отношения характеризовались двумя взаимосвязанными, но очень разными процессами. С одной стороны, шел процесс «европеизации» страны, то есть все более и более интенсивного включения России в систему экономических, политических и военных отношений на европейском континенте. С другой стороны, развивался процесс «вестернизации» — приобретения российским обществом родовых особенностей западноевропейского образа жизни. Периоды интенсивной «европеизации» в годы царствований Николая I и Александра III отнюдь не были временем ускоренной «вестернизации» Российской империи. Точно так же первые годы правления Председателя КНР Си Цзиньпина были периодом интенсивной интеграции Китая в мировую экономическую и политическую системы, не сопровождавшуюся, однако, столь же энергичной унификацией китайского общества под некие «глобальные» стандарты.

Влиятельный американский аналитический центр Институт международной экономики Петерсона (*Peterson Institute for International Economics*) предлагает более осторожную трактовку понятия глобализации: «Глобализация — термин, использующийся для описания растущей взаимозависимости экономик, культур и населения мира, вызванной трансграничной торговлей товарами, услугами и технологиями, а также потоками инвестиций, людей и информации»⁵. Однако, с нашей точки зрения, сведение глобализации к растущей взаимозависимости слишком обедняет это явление, поскольку недостаточно акцентирует его планетарный, системный характер. Рост взаимозависимости происходит, например, в рамках Европейского союза, но европейская интеграция ограничена одним из

⁴ Кортунов А. Ложный конфликт: универсализм и самобытность // РСМД. 13.10.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/lozhnyy-konflikt-universalizm-i-samobytnost/>

⁵ What Is Globalization? And How Has the Global Economy Shaped the United States? // Peterson Institute for International Economics. 04.02.2019. URL: <https://www.piie.com/microsites/globalization/what-is-globalization>

регионов и может продолжаться в мире, где в целом доминируют процессы деглобализации⁶.

По всей видимости, любое описание глобализации должно включать ее интеграционную функцию на уровне всей системы мировой экономики и политики, а не только на уровне ее подсистем. Например, известный американский экономист Дж. Штиглиц описывает глобализацию как «все более тесную интеграцию стран и народов мира, порожденную стремительным сокращением стоимости транспортировки и коммуникации, а также устранением искусственных барьеров для трансграничных потоков товаров, услуг, капитала, знаний и (в меньшей степени) людей»⁷.

В качестве рабочего определения термина можно также воспользоваться формулой, предложенной В. Кувалдиным: «Глобализация — всеобъемлющий процесс развития трансмировых связей и отношений, ведущий к становлению глобального человеческого сообщества»⁸. Данная формула снимает вопрос о глобализации как о процессе универсализации западной (либеральной) модели развития, включая политические, ценностные и иные параметры этой модели, но ставит вопрос о переходе человечества к новой стадии единства как о финальном результате процессов глобализации. При этом, однако, остается не вполне понятным, а что же стоит за термином «глобальное человеческое сообщество».

Исторически понятие «глобализации» использовали преимущественно для описания международных экономических процессов. Но в глобальных процессах участвуют не только национальные экономики, но и общества в целом. Поэтому многообразные социальные аспекты глобализации заслуживают не меньшего внимания, чем процессы экономические. Важным измерением глобализации становится международное сотрудничество в противодействии общим проблемам, имеющим планетарные масштабы (измерения климата, ресурсные дефициты, пандемии, крупные техногенные и природные катастрофы и пр.)⁹.

Представляется также обоснованным говорить о происходящей глобализации проблем безопасности, поскольку многие из этих проблем (нераспространение ядерного и химического оружия, торговля вооружениями, международный терроризм) носят ярко выраженный глобальный, а не региональный или местный характер. Особенно явно глобализация безопасности проявляется в новых, нетрадиционных областях (например, кибербезопасность, энергетическая безопасность, продовольственная безопасность и другие). Глобализация проблем безопасности связана с общемировой

⁶ Отсюда вытекает желание некоторых исследователей использовать понятие «транснационализации» вместо «глобализации» для описания процессов расширения международного общения. См., например, Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры. Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24-35.

⁷ Stiglitz Joseph E. *Globalization and Its Discontents*. W.W.Norton & Company, New York, 2003. p. 9.

⁸ Кувалдин В.Б. *Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения*. Москва: Весь мир, 2017. С. 12.

⁹ Sandler Todd. *Understanding global public goods* // OECD Observer. 09.2001. №228.
URL: https://oecdobserver.org/news/fullstory.php/aid/540/Understanding_global_public_goods.html

тенденцией стирания прежних границ между вопросами безопасности и вопросами развития. Однако, поскольку проявления глобализации в сфере безопасности весьма специфичны, они, как правило, являются предметом отдельного обсуждения. В данной работе автор старался, по возможности, их не касаться.

Следует предостеречь также относительно распространённого отождествления глобализации с техническим прогрессом и сдвигами в производственных укладах. Глобализацию начала века часто воспринимают как прямое следствие третьей промышленной революции. Разумеется, глобализация в значительной мере базируется на революционных технологических сдвигах, но эти сдвиги имеют множество последствий, которые, строго говоря, не относятся к международным отношениям. Например, процессы автоматизации производства внутри отдельных стран часто ведут к увеличению неравенства независимо от того, насколько эти страны вовлечены в глобальные производственные цепочки¹⁰. Более того, в производственной сфере технический прогресс способен содействовать не только глобализации, но и ее альтернативам — от регионализации до локализации.

Наконец, понятие «глобализация» тесно связано с понятием «глобальное управление». Логика подсказывает, что планетарные процессы усиления взаимозависимости должны в итоге привести к новым принципам, процедурам и механизмам управления мировым социумом. Некоторые авторы предлагают рассматривать глобализацию в том числе и как процесс расширенного воспроизводства глобальных общественных благ (*global public goods*)¹¹. Однако, на наш взгляд, было бы неправильным рассматривать глобальное управление как часть глобализации. Глобализация — набор объективных, часто — стихийных тенденций мирового развития. Глобальное управление — результат субъективных решений, направленных на упорядочивание этих тенденций. Взаимодействие между глобализацией и глобальным управлением является взаимодействием между социально-экономическим базисом глобального социума и его политической надстройкой.

Переход человечества на новый уровень глобального управления невозможен без продолжения глобализации, но глобализация сама по себе не обязательно имеет своим следствием эволюционную и упорядоченную трансформацию глобального управления. Расширение разрыва между объективными потребностями глобализации и низкой эффективностью существующего глобального управления в наши дни является одной из фундаментальных проблем как в сфере развития, так и в сфере безопасности.

Исторически неизбежный переход человечества на новый уровень глобального управления может оказаться плавным и относительно мирным, либо

¹⁰ Dizikes Peter. Study finds stronger links between automation and inequality // MIT News Office. 05.05.2020. URL: <http://news.mit.edu/2020/study-inks-automation-inequality-0506>

¹¹ Solana Javier. A Better Globalization // Project Syndicate. 21.07.2020. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/globalization-needs-reforming-not-destroying-by-javier-solana-2020-07?utm_source=twitter&utm_medium=organic-social&utm_campaign=page-posts-july20&utm_post-type=link&utm_format=16:9&utm_create=link-image&utm_post-date=2020-07-21

стать скачкообразным и насильственным. Будущее глобальное управление может варьироваться в широких пределах по степени демократичности, роли отдельных государств и их группировок, принципам и механизмам глобального перераспределения ресурсов и пр. Человечество способно очень по-разному ответить на объективные вызовы глобализации — при том, что «отменить» глобализацию никто не может, подобно тому, как никто не может вернуться в прошлое.

Мифологемы глобализации¹²

Резкий подъем популярности концепций и теорий, связанных с глобализацией, произошел в конце прошлого века и был связан с уникальным сочетанием геополитических, экономических, технологических и иных факторов, характерных для последнего десятилетия XX столетия. Вокруг глобализации быстро сложилось множество мифов: с ней связывались многочисленные и явно завышенные ожидания, она нередко воспринималась как универсальный инструмент решения чуть ли не всех проблем человечества. Естественно, реальность оказалась несколько иной, что и привело к неизбежному разочарованию в глобализации и к повсеместному подъему антиглобалистов самого разного сорта. Перечислим основные, наиболее популярные мифологемы глобализации, опровергнутые или поставленные под сомнение последующим ходом истории.

Революция или стагнация?

Три десятилетия назад большинство наблюдателей полагали, что результатом глобализации станет быстрая и радикальная перестройка системы международных институтов, правовых норм и внешнеполитической практики отдельных государств. Глобальная политическая надстройка должна была так или иначе прийти в соответствие с изменившимся мировым экономическим базисом. Однако революции в мировом устройстве в ходе глобализации пока не произошло. Даже об эволюции мирового устройства допустимо говорить лишь с очень большими оговорками; не меньше оснований утверждать, что на уровне институтов глобального управления и его нормативно-правовой базы последние два-три десятилетия мир пребывает в состоянии застоя или стагнации.

Существовавшие в предыдущую эпоху институты безопасности (ООН, НАТО), равно как и институты развития (МБРР, МВФ, ВТО) продемонстрировали высокую степень устойчивости, ограничившись лишь косметическими коррекциями своих приоритетов, процедур и принципов деятельности. Ни стремительный распад Советского Союза, ни быстрый подъем международного терроризма, ни глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. не повлекли за собой глобальных институциональных изменений революционного характера. Иными словами, за фундаментальными сдвигами в базисе глобального социума (глобализация) не последовало аналогичных сдвигов в его надстройке (глобальное управление).

Пытаясь сохраниться в неизменном виде, традиционные институты и механизмы глобального управления год от года теряли свою эффективность, дискредитируя принципы многосторонности. Вновь созданные институты (Группа двадцати, БРИКС, ШОС) не смогли взять на себя те функции гло-

¹² Раздел подготовлен на основе выступления автора на Пекинском форуме 2019 г. См.: Кортунов А. Что нового мы узнали о глобализации? // РСМД. 05.11.2019.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/chto-novogo-my-uznali-o-globalizatsii/>

бального управления, с которыми не справились структуры, унаследованные от предыдущей эпохи. Итогом тридцатилетия стало не повышение, а снижение общего уровня управляемости мировой системы. Разрыв между объективным уровнем единства человечества и субъективным уровнем осознания этого единства со стороны лидеров, политических элит и обществ в целом продолжал расти. К сожалению, в большинстве случаев общественное недовольство оказалось направленным не на архаичную надстройку, а на сам базис, т. е. на процессы глобализации как таковые¹³.

Общее благо или фактор поляризации?

В 90-е гг. прошлого века бытовало мнение, что «прилив поднимает все лодки», то есть блага глобализации так или иначе окажутся доступными для всех. В каком-то смысле это мнение подтвердилось — «среднестатистический» житель планеты сегодня живет лучше, ярче и дольше, чем три десятилетия назад. Но блага оказались распределены далеко не равномерно; за тридцать лет глобализация поделила мир на выигравших и проигравших¹⁴. Причем разделительная линия между первыми и вторыми далеко не всегда проходит между «успешными» и «неуспешными» государствами. Гораздо чаще она проходит внутри государств — между отдельными социальными, возрастными и профессиональными группами, между крупными городскими агломерациями и сельской местностью, между богатыми и бедными регионами. То есть между теми, кто так или иначе «вписался» в новый уклад жизни, и теми, кто «выпал» из него. Например, в Соединенных Штатах за последние 40 лет средние реальные доходы беднейшей половины домохозяйств не только не выросли, но значительно снизились¹⁵.

Неизбежным результатом социально-экономической поляризации внутри отдельных стран оказывается поляризация политическая, которая постоянно воспроизводит слабые коалиционные правительства (в либерально-демократических странах) и хрупкие популистские режимы (в нелиберальных странах), неспособные к принятию непопулярных и болезненных решений. В свою очередь, слабость государств сдерживает их возможности полноценно участвовать в процессах глобализации, а тем более — выступать в качестве лидеров в вопросах создания новых механизмов глобального управления.

Попутно подчеркнём, что воспринимать растущее социально-экономическое неравенство как неизбежное следствие одной лишь глобализации было бы некорректным: достаточно сослаться на уверенно «вписавшиеся» в глобализацию скандинавские страны, сохраняющие при этом одни из самых низких показателей индекса Джини в мире. Ссылки на глобали-

¹³ Borrell J. The post-coronavirus world is already here // ECFR. 13.04.2020.
URL: https://www.ecfr.eu/publications/summary/the_post_coronavirus_world_is_already_here

¹⁴ Leonard M. Salvaging globalization // ECFR. 04.05.2020.
URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_salvaging_globalisation?mc_cid=10a59aa9d2&mc_eid=6f24f55c06

¹⁵ Quah D. The US is, indeed, the exceptional nation: Income dynamics in the bottom 50% // Danny Quah.
URL: <http://www.dannyquah.com/Quilled/Output/2019.01-Danny.Quah-Income-Dynamics-in-the-Bottom-50.pdf>

зацию как на первопричину всех проблем очень часто скрывают нежелание лидеров (как, впрочем, и экспертов) признавать собственные ошибки и просчеты в социальной и экономической сферах внутри национальных государств, снять с себя ответственность за негативные последствия этих ошибок и просчетов, возложив их на факторы, лежащие вне национальной юрисдикции¹⁶.

Перманентность или дискретность?

Одним из распространенных в конце прошлого – начале нынешнего века представлений о глобализации было восприятие ее как более или менее линейного, перманентного и непрерывного процесса. Предполагалось, что с течением времени темп глобализации будет лишь нарастать, а сопротивление глобализации — слабеть и сходить на нет. Однако уже во втором десятилетии XXI в. и, особенно, с приходом к власти в США Д. Трампа и началом выхода Великобритании из Европейского союза, стало совершенно ясно, что процессы глобализации вполне могут тормозиться, замедляться, а на некоторых направлениях и для некоторых стран — вообще обращаться вспять. Причем триггерами смены трендов могут выступить самые разные и часто труднопредсказуемые события — от неожиданных результатов национальных выборов до стремительно распространяющегося эпидемиологического кризиса.

Торможение процессов глобализации может быть связано не только с сопротивлением «выпавших» из нового технологического и экономического укладов социальных и профессиональных групп, но и с особенностями этих укладов как таковых. Например, одним из результатов четвертой промышленной революции вполне может стать почти полное вытеснение человека из процесса производства, резкое сокращение потребностей развитых стран в рабочей силе и, как следствие, столь же резкое ограничение международных миграционных потоков. То есть предложение рабочей силы из развивающегося мира будет увеличиваться, а вот спрос на нее со стороны развитого мира будет быстро снижаться. Другой пример — развитие «новой энергетики» (возобновляемые источники и сланцевые углеводороды) способны рано или поздно обрушить мировую торговлю нефтью и газом — одной из главных основ мировой торговли в целом. Производство энергии будет все больше носить не глобальный, а локальный характер; за локализацией производства энергии неизбежно последует локализация энергоемких секторов мировой экономики.

В более общем плане стоит заметить, что обострение американо-китайского экономического противостояния происходит в большей степени в технологически продвинутых, чем в традиционных отраслях экономики¹⁷. Представления начала века о том, что новые технологии как «всемирное

¹⁶ Кортунов А. В чем сила, брат? // РСМД. 13.08.2020.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vchem-sila-brat/>

¹⁷ Cronin P.M., Doran M., Rough P. Geopolitical Implications of the Coronavirus // Hudson Institute. 13.03.2020.

URL: <https://www.hudson.org/research/15816-geopolitical-implications-of-the-coronavirus>

общественное» благо будут вечно оставаться вне политики и, более того, будут постепенно оттеснять привычную политику на периферию общественной жизни, не оправдались. Началась казавшаяся немыслимой еще двадцать лет назад дискуссия об обратимости глобализации как таковой; в моду начали входить такие термины как «кризис глобализации», «де-глобализация» и даже «пост-глобальный мир».

Синхронизация или асинхронность?

Хотя с начала 1990-х гг. основное внимание исследователей глобализации было сосредоточено на ее финансово-экономических измерениях, глобализация, по крайней мере, с конца XX столетия воспринималась как комплексный процесс, воздействующий на все стороны человеческой жизни, то есть глобализация воспринималась в «широком», а не в «узком» смысле. Предполагалось, что финансово-экономическая глобализация с неизбежностью потянет за собой, как локомотив, железнодорожные вагоны, глобализацию социальную, культурную и политическую и что человечеству удастся как-то синхронизировать динамику глобализации во всех этих сферах. Взаимодействуя друг с другом, эти сферы будут порождать кумулятивный эффект, ускоряя глобализацию в целом. Вероятно, эта мифологема была связана с тем обстоятельством, что у истоков большинства теорий глобализации стояли экономисты и технократы. Соответственно, экономический и технократический детерминизм этих взглядов не должен вызывать удивления.

На деле выяснилось, что «сопротивляемость» глобализации в одних сферах человеческой жизни заметно выше, чем в других. Более того, как отмечалось выше, процессы интеграции и унификации не связаны отношениями линейной зависимости. А потому синхронизировать процессы экономической глобализации и, скажем, политической глобализации на данный момент никак не получается. Растущий разрыв между экономикой и политикой оказался самым опасным для будущих процессов глобализации в целом: императивы экономики требуют стратегических, системных, глобальных, континентальных, многосторонних решений, в то время как потребности политики выдвигают на первый план тактические, конъюнктурные, локальные, односторонние приоритеты.

Внутри отдельных государств «политика идентичности» все чаще одерживает верх над «политикой интересов», что еще больше увеличивает разрыв между экономической и политической реакцией на глобализацию и на все, что с этой глобализацией связано. Вопреки ожиданиям и надеждам экономистов, экономика не одержала верх над политикой; напротив, политика стала все больше подчинять себе экономику и диктовать решения, весьма далекие от формальной логики экономической целесообразности. Парадоксальным образом процессы глобализации резко расширили возможности формирования глобальных альянсов антиглобалистов, которые сегодня достигли не меньшей эффективности в создании международных коалиций, чем их оппоненты.

Унификация или плюрализм?

Начало нынешнего подъема интереса к явлению глобализации совпало с глобальным триумфом идеологии политического и экономического либерализма. Понятия «либеральная глобализация» и «глобальный либерализм» в 90-е гг. прошлого века воспринимались если не как синонимы, то, по крайней мере, как неразрывно связанные друг с другом. То есть одним из ускорителей глобализации и одновременно одним из неизбежных ее результатов должна была стать окончательная победа либеральных экономических и политических моделей во всемирном масштабе (т.е. глобализация интерпретировалась в отмеченном выше «широком» понимании данного термина). Любые нелиберальные модели развития трактовались в этом контексте как проявления архаики, симптомы непоследовательной и неполной модернизации, препятствующие их носителям удачно «вписаться» в новый глобальный мир.

Сегодня такая причинно-следственная связь выглядит куда менее убедительной, чем три десятилетия назад. Политический и экономический либерализм переживают не лучшие времена; их базовые принципы подвергаются сомнению даже на «историческом Западе», в то время как альтернативные социально-политические и экономические модели демонстрируют не просто устойчивость, но в некоторых случаях — высокую эффективность. Хрестоматийным примером этой новой тенденции может считаться сравнение американского и китайского опыта борьбы с пандемией COVID-19.

Соответственно, возникает вопрос о совмещении планетарного универсализма глобализации с сохраняющимся плюрализмом национальных траекторий развития, включая как экономические, так и политические траектории. Правила игры в глобальном мире должны быть сбалансированы таким образом, чтобы стать одинаково комфортными для большего разнообразия участников, находящихся к тому же на разных ступенях социально-экономического и политического развития. Это совершенно новая задача, которая практически не обсуждалась еще 10–15 лет назад.

Ядро или периферия?

В конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века предполагалось, что «волны» глобализации будут распространяться преимущественно от экономического, политического и технологического ядра современного мира (условного «совокупного Запада») к его периферии. Передаточными механизмами должны были стать крупные «полу-периферийные» страны — такие как Россия, Китай, Индия, Бразилия и т.д. При этом эксперты предсказывали, что по мере удаления от ядра и приближении к периферии сопротивление глобализации будет нарастать, порождая конфликты, торговые войны, рост изоляционизма и национализма, но до глобального ядра эти импульсы де-глобализации будут доходить ослабленными¹⁸.

¹⁸ Кортунов А. Несколько слов в защиту Фрэнсиса Фукуямы // РСМД. 19.06.2019.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neskolkko-slov-v-zashchitu-frensis-a-fukuyamy/>

Однако история показала, что во многих случаях «волны» глобализации идут в противоположном направлении — от периферии к ядру, а «совокупный Запад» пытается отгораживаться от периферии ограничениями миграции, возвращением к протекционизму, репатриацией на свою территорию ушедших ранее производств, подъемом национализма и ксенофобии. Соединенные Штаты, которые многие воспринимали как безусловного лидера и главного национального драйвера глобализации, среди развитых стран остаются на последних местах практически во всех измерениях глобализации, причем по уровню вовлеченности в мировую торговлю США уступают даже Китаю.

Постепенно меняется и соотношение экономических потенциалов глобального ядра и периферии. В 1995 г. на старте нынешнего этапа глобализации совокупный ВВП по паритету покупательной способности семи ведущих развивающихся экономик (Китай, Россия, Индия, Бразилия, Индонезия, Турция и Мексика) составлял примерно половину совокупного ВВП стран западной «семерки» (США, Великобритания, Франция, Германия, Япония, Канада и Италия). В 2015 г. соотношение потенциалов двух «семерок» сравнялось, а в 2040 г. «развивающаяся семерка» по своему экономическому потенциалу превзойдет «развитую» примерно в два раза¹⁹.

Хотя на данный момент совокупный Запад в целом превосходит совокупный не-Запад по включенности в процессы глобализации, вопрос о том, кто станет основным драйвером этих процессов в будущем, пока остается открытым. Во всяком случае, после прихода к власти в Соединенных Штатах администрации Д. Трампа руководство КНР недвусмысленно претендует на роль всемирного лидера в защите завоеваний глобализации²⁰. Сравнение американских и китайских подходов к международному сотрудничеству в условиях коронавируса усилило сомнения в том, что США по-прежнему настроены оставаться в авангарде защитников достижений глобализации последних десятилетий²¹. При этом представляется маловероятным, что в случае победы Дж. Байдена на президентских выборах в США в ноябре мы станем свидетелями полного пересмотра нынешнего подхода Америки к глобализации; этот подход связан не столько с особенностями личности нынешнего президента, сколько с изменением соотношения сил в мире не в пользу Соединенных Штатов.

В более широком плане возникают сомнения относительно наличия какого-то единого «географического центра» глобализации или соотношения глобализации с отдельными группами стран. Развитие глобализации все больше приобретает вид сетевого процесса без четко выраженной геогра-

¹⁹ Morillas P. Lessons from a global crisis: coronavirus, the international order and the future of the EU // CIDOB. 04.2020. URL: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/notes_internacionals/n1_231/lessons_from_a_global_crisis_coronavirus_the_international_order_and_the_future_of_the_eu

²⁰ См. речь Председателя КНР Си Цзиньпина на открытии Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2017 г. URL: <http://russian.cri.cn/3051/2017/01/18/1s594973.htm>

²¹ Campbell K.M., Doshi R. The Coronavirus Could Reshape Global Order// Foreign Affairs. 18.03.2020. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-could-reshape-global-order?mc_cid=55035ad629&mc_eid=6f24f55c06

фической иерархии. В будущем представления о «ядре» и «периферии» могут потерять прежнее значение, поскольку в любой стране мира найдутся элементы как первого, так и второго.

Таким образом, справедливо констатировать, что за последние три десятилетия произошла определенная «демистификация» понятия глобализации, на нее перестали возлагать надежды как на универсальное средство автоматического решения всех проблем человечества в самом ближайшем будущем. С другой стороны, на место идеализации процессов глобализации пришла их демонизация — глобализацию теперь нередко обвиняют даже в тех проблемах, к которым она не имеет никакого отношения. Эти обвинения часто приобретают вид «теорий заговора» и содержат ссылки на «теневое всемирное правительство», «космополитические финансовые круги» и т. д., якобы управляющие процессами глобализации в своих узких групповых интересах. Потребность в политически нейтральной, академически корректной и дисциплинарно репрезентативной дискуссии по вопросам глобализации сохраняется, особенно с учетом многочисленных мифологем «нового поколения», быстро создающихся вокруг этого понятия.

Смена трендов в исторической ретроспективе

Отрицать значительное негативное воздействие на глобализацию происходящих в 2020 г. в мире процессов уже невозможно. Некоторые эксперты полагают, что кризис не внес в мировые тенденции ничего принципиально нового, он лишь ускорил ранее обозначившиеся тенденции мирового развития, в том числе и тенденции, касающиеся процессов глобализации²². Даже если это так, то возникает принципиальный вопрос о том, достигли ли мы точки невозврата, то есть насколько нынешние тенденции деглобализации приобрели характер необратимых — по крайней мере, в среднесрочной перспективе (3–5 лет). От того, каким будет ответ на этот вопрос, зависит очень многое и для внешней политики отдельных государств, и для состояния международной системы в обозримом будущем.

Обратимся к популярному ежегодному DHL Global Connectedness Index, оценивающему уровень связанности стран мира по четырем показателям: (1) международная торговля, (2) зарубежные инвестиции, (3) трансграничные информационные потоки, (4) международные миграции²³. Индекс издается с 2001 г. и позволяет судить о наличии долгосрочных тенденций в уровнях связанности государств друг с другом²⁴. Конечно, каждый из четырех параметров связанности имеет свою собственную динамику — при том, что в целом их колебания могут балансировать друг друга. Например, увеличение объемов прямых иностранных инвестиций способно привести к локализации производства товаров и услуг на территории страны-партнера и тем самым способствовать сокращению экспорта в эту страну. Расширение передачи информации и развитие соответствующих информационно-коммуникационных технологий позволяет расширить возможности дистанционной работы и тем самым может сократить потребность в зарубежной рабочей силе и снизить интенсивность трансграничных миграционных потоков.

Тем не менее долгосрочная динамика связанности весьма любопытна. Авторы последнего доклада (2019 г.) выделяют три стадии развития связанности в XXI в. Первая стадия (2002–2007 гг.) характеризуется высокими темпами роста связанности по всем четырем параметрам. Вторая стадия (2007–2009 гг.) отмечена резким снижением уровня связанности, затронувшим главным образом инвестиции, а затем и торговлю, при сохранении стабильного роста трансграничных миграционных и информационных потоков. Третья стадия (2009–2018 гг.) продемонстрировала медленное и неровное

²² Farrell H., Newman A. Will the Coronavirus End Globalization as We Know It? // Foreign Affairs. 16.03.2020.
URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-16/will-coronavirus-end-globalization-we-know-it?mc_cid=0a4dfa3462&mc_eid=6f24f55c06

²³ Altman Steven A., Bastian Phillip. DHL Global Connectedness index. Mapping the Current State of Global Flows.
URL: <https://www.dhl.com/content/dam/dhl/global/core/documents/pdf/g0-en-gci-2019-update-complete-study.pdf>

²⁴ Существуют и другие, более сложные и комплексные подходы к глобальной связанности, которых мы в данном случае не касаемся. См., например: Godehardt N, Postel-Vinay K. Connectivity and Geopolitics: Beware the “New Wine in Old Bottles” Approach // Stiftung Wissenschaft und Politik. 07.2020.
URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/connectivity-and-geopolitics-beware-the-new-wine-in-old-bottles-approach>

восстановление докризисного уровня связанности, причем и на этой стадии рост международных инвестиций и торговли существенно отставал от роста потоков людей и информации. Совокупный докризисный уровень глобальной связанности 2007 г. был превзойден только в 2013 г., а уже в 2014 г. рост связанности почти прекратился. Последним относительно позитивным годом, по мнению авторов доклада, оказался 2016 г., после чего началась стагнация, а затем и новое снижение уровня глобальной связанности.

Сравнение двух стадий усиления глобальной связанности (2002–2007 гг. и 2009–2018 гг.) красноречиво свидетельствует о том, что прогнозы начала века о неизбежности экспоненциального роста основных индикаторов глобализации не оправдались. По всей видимости, многие из объяснений такого «сбоя» надо искать в плоскости управления экономикой на уровне ведущих игроков мировой экономики и в сфере закономерностей долгосрочных циклов развития новых технологий (исчерпание экономического эффекта третьей промышленной революции). По мнению многих экспертов, уроки кризиса 2008–2009 гг. не были усвоены в полной мере, система управления мировыми финансами не была должным образом перестроена, а потому миру в конце первого десятилетия XXI в. хотя и удалось избежать длительной депрессии, но не удалось гарантировать себя от повторения финансового кризиса в будущем.

Кроме того, хотя кризис 2008–2009 гг. и носил структурный характер, но не привел к структурной перестройке глобальной экономики. Целью антикризисных мер стало не обновление с неизбежными банкротствами и повышенными рисками, а сохранение «системообразующих» игроков финансового сектора²⁵. Это тактически выигрышное решение, позволившее избежать острых конфликтов между ведущими игроками мировой экономики, оказалось стратегически проигрышным, поскольку не создало условий для восстановления докризисных темпов роста глобальной связанности. Поэтому кризис 2020 г. можно считать долгим эхом кризиса 2008–2009 гг., когда была упущена исторически уникальная возможность выйти на новый уровень глобального управления в относительно благоприятной геополитической обстановке.

В связи с вышесказанным стоит обратить внимание на характерный для второй стадии мирового «глобализационного цикла» ренессанс политических факторов в международных делах. Если в начале XXI столетия многим казалось, что политика национальных государств окончательно превратилась в механизм обслуживания их экономических интересов, то во втором десятилетии века политические приоритеты, а также приоритеты национальной безопасности, продемонстрировали свое очевидное преимущество перед экономикой как факторы, в решающей степени определяющие международное поведение великих держав. Именно в этом десятилетии началось геополитическое противостояние России и США, несколько позже дополненное противостоянием США и Китая.

²⁵ May В. Двойной шок: экономический кризис из-за пандемии может пойти не по тому сценарию, к которому готовятся страны // Forbes. 30.04.2020. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/399381-dvoynoy-shok-ekonomicheskij-krizis-iz-za-pandemii-mozhet-poyti-ne-po-tomu-scenariyu-k>

Первая ось конфронтации (Вашингтон — Москва) оказала относительно незначительное воздействие на уровень глобальной связанности в силу более чем скромного уровня российско-американской экономической взаимозависимости; вторая ось (Вашингтон — Пекин) за несколько лет обрушила главные мировые индикаторы связанности (в первую очередь, касающиеся международной торговли и иностранных инвестиций). Оптимистические прогнозы экспоненциального развития мировой экономики сменились тревожными ожиданиями экономических санкций и торговых войн.

Важно отметить, что торможение процессов глобализации во втором десятилетии XXI в. проявилось наиболее отчетливо именно в базовых экономических показателях (зарубежные инвестиции и международная торговля), а не в других индикаторах (трансграничные потоки людей и информации). Уже в середине второго десятилетия XXI в. темпы роста мировой торговли начинают уступать темпам роста мирового ВВП²⁶ — впервые за всю послевоенную историю. А к 2019 г. этот рост вообще выдохся — несмотря на то, что год был относительно благоприятным для мировой экономики в целом²⁷. Примерно такая же картина наблюдалась и в международной инвестиционной активности. Мировая экономика, которая в начале столетия были главным драйвером глобализации, превратилась в главный тормоз последней. По всей видимости, тот мощный импульс к экономической интеграции, который возник в начале 90-х гг. XX в., через 20 лет оказался в значительной мере исчерпанным.

Субъективные факторы, в первую очередь, приход к власти в США администрации Д. Трампа, безусловно, ускорили затухание глобальных трендов к повышению уровня связанности государств. Если бы в 2016 г. в США победу одержала Х. Клинтон, вполне вероятно, что к концу десятилетия удалось бы запустить как Транстихоокеанское партнерство (ТТП), так и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП), а также сохранить участие США в глобальном соглашении по климату 2015 г.²⁸ Однако американо-китайские торгово-экономические и геополитические противоречия нарастали бы при любом президенте США, и сопутствующее замедление процессов глобализации так или иначе было исторически неизбежным. Столь же объективный характер имели трансатлантические торгово-экономические разногласия, а потому еще и во времена президентства Б. Обамы переговоры о ТТИП шли с большим трудом.

²⁶ Hufbauer G.C., Jung E. Why Has Trade Stopped Growing? Not Much Liberalization and Lots of Micro-Protection // Peterson Institute for International Economics. 23.03.2016. URL: <https://www.piie.com/blogs/trade-investment-policy-watch/why-has-trade-stopped-growing-not-much-liberalization-and-lots>

²⁷ Douglas I.A. The pandemic adds momentum to the deglobalization trend // Peterson Institute for International Economics. 23.04.2020. URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/pandemic-adds-momentum-deglobalization-trend?mc_cid=c94692fd3a&mc_eid=6f24f55c06

²⁸ Помимо исторического Парижского соглашения по климату, 2015 г. был отмечен принятием другого важнейшего соглашения, призванного ускорить глобальную интеграцию. В этом году в ООН была согласована и утверждена Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., которая должна прийти на смену Целям развития тысячелетия, принятым в 2000 г.

«Наступление» политики на экономику создало не только прямые препятствия для развития взаимосвязанности государств, такие как односторонние санкции и торговые войны. Это наступление еще и резко повысило волатильность системы международных отношений, создав принципиально иную, по сравнению с началом века, психологическую атмосферу в мире. Экономические интересы государств, как правило, более рациональны, более стабильны и, следовательно, более предсказуемы, чем политические интересы. «Политизация» международной системы содействовала усилению роли субъективных, эмоциональных, ситуативных факторов в принятии решений ключевыми игроками, порождало ощущение неопределенности и нестабильности, что неизбежно сдерживало развитие взаимосвязанности, особенно в сфере торговли и инвестиций.

При том даже на своем пике уровень достигнутой между странами связанности не был столь значительным, как это могло бы показаться. Например, в 2018 г. доля международной торговли в общемировом товарообороте составила всего 21%, доля международного туризма в мировом — 16%, доля прямых иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций — 6%, длительность международных звонков в общей продолжительности телефонных разговоров — 7%, доля международных мигрантов в первом поколении в мировом населении — 3%, доля иностранных студентов в общем числе студентов — 2%. Несмотря на быстрый прогресс в информационно-коммуникационных технологиях, уровень интернационализации сектора услуг (14%) существенно уступал уровню интернационализации товарных рынков (29%)²⁹.

Если отталкиваться от динамики развития процесса связанности государств за первые два десятилетия нашего столетия, то можно предположить, что мы будем свидетелями резкого снижения уровня связанности в ближайшие полтора — два года (2020 — 2022 гг.) с его медленным и непоследовательным восстановлением в последующие четыре-пять лет, а, возможно — до конца третьего десятилетия XXI в. (2022—2030 гг.)³⁰. Причем в данном случае, в отличие от восстановительной стадии предыдущего цикла (2009—2018 гг.) общие показатели не будут улучшаться за счет трансграничного перемещения людей, поскольку восстановление докризисных уровней международных путешествий, по всей видимости, произойдет не так скоро³¹. Эксперты предсказывают множество ограничений на международные миграции, причем некоторые из этих ограничений, скорее всего, надолго переживут пандемию COVID-19³².

²⁹ Altman Steven A., Bastian Phillip. DHL Global Connectedness index. Mapping the Current State of Global Flows. URL: <https://www.dhl.com/content/dam/dhl/global/core/documents/pdf/g0-en-gci-2019-update-complete-study.pdf>

³⁰ Имеются и более оптимистические прогнозы быстрого восстановления достигнутого ранее уровня связанности мировой экономики. См.: Иноземцев В. Поствирусная экономика: что помешает радикальным переменам // РБК. 08.05.2020. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/08/05/2020/5eb3cc989a7947f09020c981?from=center>

³¹ Benton M. The Rocky Road to a Mobile World after COVID-19 // Migration Policy Institute. 05.2020. URL: https://www.migrationpolicy.org/news/rocky-road-mobile-world-after-covid-19?mc_cid=1b160b964c&mc_eid=6f24f55c06

³² Ibid.

Единственным параметром связанности, имеющим шансы на быстрый и устойчивый рост, остаются трансграничные информационные потоки³³. Теоретически, прогресс в информационно-коммуникационных технологиях мог бы придать дополнительное ускорение и другими проявлениям глобализации. Но даже, к примеру, онлайн-торговля будет неизбежно тормозиться за счет ограничения тех ее компонентов, которые предполагают офлайн взаимодействие — таких, как службы доставки³⁴ (если только эти службы не будут полностью автоматизированы). В более общем плане следует заметить, что неизбежное расширение разрыва между глобализацией в режимах онлайн и офлайн само по себе способно превратиться в один из серьезнейших факторов дестабилизации глобального социума.

Целый ряд дополнительных факторов способен ускорить возвращение к докризисным уровням связанности — создание и глобальное использование эффективной вакцины против COVID-19, приход к власти в США в ноябре Дж. Байдена, быстрое восстановление китайской экономики и пр. Какие-то факторы, напротив, способны замедлить этот процесс — превращение COVID-19 в сезонное заболевание, дальнейшее обострение американо-китайских экономических и политических отношений, новая волна правого популизма в Европе и т. д. Насколько можно судить, в данный момент условный баланс между новыми возможностями и новыми рисками складывается в пользу рисков.

Среди наиболее очевидных негативных с точки зрения ближайших перспектив глобализации факторов обращает на себя внимание высокий уровень бюджетных дефицитов в большинстве развитых государств, возможная девальвация национальных валют с перспективой сползания мира в многолетнюю депрессию³⁵. Продолжению быстрого роста трансграничных информационных потоков могут препятствовать выходящие на новый уровень региональные и глобальные кибервойны, а также расширение попыток правительств установить национальный контроль над интернетом. Существенным препятствием для нового подъема трансграничных потоков людей стал бы новый международный миграционный кризис, сравнимый с европейским кризисом 2015–2016 гг.

Любые среднесрочные, а тем более — долгосрочные прогнозы динамики глобализации на следующее десятилетие должны учитывать возможности новых технологических прорывов, подобных прорывам начала столетия (переход от третьего к четвертому промышленному укладу в глобальных масштабах). Возможна очередная революция в информационно-коммуникационных технологиях, в биотехнологиях, в робототехнике, в создании

³³ Jung A. The Beginning of De-Globalization // Spiegel International. 05.05.2020.
URL: https://www.spiegel.de/international/world/future-of-our-global-economy-the-beginning-of-de-globalization-a-126a60d7-5d19-4d86-ae65-7042ca8ad73a?mc_cid=347346b623&mc_eid=6f24f55c06

³⁴ Ortega A. The deglobalisation virus // ECFR. 18.03.2020.
URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_the_degloabalisation_virus

³⁵ Canuto O. Higher Debt, Deeper Digitization, and Less Globalization Will be Coronavirus Legacies // Center for Macroeconomics and Development. 10.06.2020.
URL: <https://www.cmacredev.com/higher-debt-deeper-digitization-and-less-globalization-will-be-coronavirus-legacies/>

новых материалов и пр. Однако далеко не все технологические революции будут выступать как катализаторы глобальных интеграционных процессов. По крайней мере, некоторые из них, вероятно, будут порождать эффективные локальные альтернативы глобализации. К примеру, широкое использование роботов создает условия для развития малолюдных производств, что, в свою очередь, сокращает потребности в импорте иностранной рабочей силы и создает дополнительные возможности для локализации производственных цепочек. В этом же направлении будет действовать и прогресс в развитии 3D-печати, способный максимально приблизить целые отрасли производства к конечному потребителю. Против экономической связанности может действовать мода на «разумное потребление», ограничивающая рефлексы консюмеризма «Нового среднего класса» как на глобальном Севере, так и на Юге.

С другой стороны, ускорение темпов цифровизации глобальной экономики и других сфер жизни общества способно стать катализатором процессов глобализации не только в производстве, но и в образовании, в развитии трансграничного гражданского общества, международных профессиональных объединений и т. д. По всей видимости, на протяжении предстоящего десятилетия человечество будет подталкивать в направлении большей интеграции и растущих общих вызовов — от изменения климата до проблем глобальной и региональной безопасности.

Подчеркнем еще раз — объективное повышение взаимосвязанности и взаимозависимости стран и регионов мира не тождественно осознанию этой реальности со стороны национальных элит. К сожалению, есть основания согласиться с мнением о том, что с начала XXI в. наблюдается процесс «ухудшения» правящих элит, теряющих способность к стратегическому мышлению и долгосрочному планированию³⁶. Качество элит очень часто не соответствует масштабам стоящих перед ними вызовов и существенно ограничивает возможности для поиска договоренностей даже по самым важным вопросам глобального развития³⁷. Кроме того, низкое качество элит оказывает негативное воздействие на руководимые этими элитами общества, возрождая к жизни многие заведомо устаревшие стереотипы и предрассудки. Происходящая на наших глазах во многих странах архаизация общественного сознания становится серьезным и, возможно, долгосрочным тормозом для продвижения вперед по пути объединения человечества.

³⁶ Попов В. Четыре предварительных урока нынешнего кризиса // РСМД. 08.06.2020.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/chetyre-predvaritelnykh-uroka-nyneshnego-krizisa/>

³⁷ Karnitsching M. The incompetence pandemic // Politico. 16.03.2020. URL: https://www.politico.com/news/2020/03/16/coronavirus-pandemic-leadership-131540?mc_cid=0a4dfa3462&mc_eid=6f24f55c06

Пределы усиления государств

Рассуждая о будущем мироустройстве после пока еще весьма туманного, но все же неизбежного завершения нынешнего системного кризиса, большинство аналитиков сходятся в одном вопросе: в мире произойдет дальнейшее усиление национальных государств по отношению к другим участникам международных отношений. Собственно говоря, данный процесс уже идет полным ходом³⁸. Насколько устойчива эта тенденция, и какими могут стать ее последствия для будущего глобализации?

Государства наступают одновременно на двух фронтах. С одной стороны, кризис обнаружил очевидную слабость и уязвимость негосударственных игроков мировой политики — частного сектора и гражданского общества, оказавшихся неспособными позиционировать себя в качестве серьезных центров влияния и активных участников в принятии важнейших решений во внешнеполитической сфере. С другой стороны, кризис выявил невысокую эффективность, а в чем-то — даже хрупкость многосторонних межгосударственных институтов и международных организаций, включая и такие разные структуры как ООН, Евросоюз, ЕАЭС, Группа двадцати, Группа семи, ВТО, ВОЗ и т. д. Таким образом, исторический кастинг на роль эффективных кризис-менеджеров не прошли ни нижестоящие, ни вышестоящие по отношению к государствам кандидаты.

Идеи глобального государственного полицентризма, национального суверенитета и суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела друг друга, идеи балансов сил и интересов, а также политического, идеологического, социально-политического и любого другого плюрализма в глобальном социуме становятся весьма привлекательными для многих обществ, а тем более — для национальных элит, утомленных бесконечным постмодерном последних десятилетий. Кризис способствует восстановлению старой и для многих естественной иерархии идентичности, в которой на первом месте находится принадлежность к тому или иному государству.

Кризис существенно меняет привычную расстановку социальных и политических сил, в чем-то возвращая мир к старым, традиционалистским моделям XX в. и даже более ранних исторических периодов. Повсеместно укрепляются позиции чиновников, военных, оборонного комплекса, спецслужб, в какой-то степени — и традиционного «производственного» среднего класса, одним словом — всех тех, кто в силу своей профессиональной принадлежности никогда не был горячим сторонником глобализации и множественных групповых идентичностей. Теряют статус и влияние глобально ориентированные социальные и профессиональные группы — новый креативный класс, частный финансовый сектор, космополитически настроенная часть политических элит, либеральные медиа, интеллектуалы-компрадоры.

³⁸ Krastev I. Seven early lessons from the coronavirus // European Council on Foreign Relations. 18.03.2020.
URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_seven_early_lessons_from_the_coronavirus

Иными словами, мир возвращается в модерн, а в чем-то — и вообще проваливается в архаику.

Пандемия и начавшаяся экономическая рецессия породили сильнейший за последние несколько десятилетий общественный запрос на патерналистские стратегии во внутренней политике и на национализм во внешней. Государственные лидеры приобрели невиданные с начала века дополнительные возможности манипулировать общественными настроениями, страхами и ожиданиями, научились успешно эксплуатировать новые источники своей легитимности. Многим из этих лидеров удалось обеспечить взрывной рост своей популярности просто за счет демонстрации «жесткого подхода» к борьбе с коронавирусом, щедрых финансовых инъекций в национальную экономику, внешнеторгового протекционизма и декларативного изоляционизма.

Эффект консолидации общества «вокруг флага» в драматический момент истории наглядно проявился не только в авторитарных политических системах, но и в либеральных западных демократиях. Так, в Евросоюзе чрезвычайные полномочия получил не только венгерский премьер-министр В. Орбан, но также лидеры Бельгии, Франции, Германии и других государств «старой Европы». Естественно, что на фоне чрезвычайной эпидемиологической обстановки первой половины 2020 г. многочисленные нерешенные социально-экономические и политические проблемы отходили на второй план, а сделанные ранее обещания избирателям подвергались автоматическому обнулению ввиду «обстоятельств непреодолимой силы». Соответственно, у президентов и премьер-министров возникали дополнительные возможности для маневра, в том числе и в сфере внешней политики.

Однако популярный ныне тезис о «возвращении мира к Вестфалю» по итогам пандемии и структурного кризиса мировой экономики нуждается, как минимум, в нескольких существенных оговорках³⁹.

Во-первых, усиление государств происходит далеко не всегда и не везде. Государства, как правило, усиливаются там, где они уже были сильны и до нынешних катаклизмов. Едва ли кто-то будет всерьез рассуждать о «вестфальском ренессансе» применительно к ближневосточному Машрику или к африканскому Сахелю. Напротив, слабые государственные институты в хрупких государствах в условиях кризиса становятся еще слабее, теряя остатки своей и без того условной легитимности. Нередко их функции в социальной сфере берут на себя негосударственные структуры, включая религиозные организации, «внесистемные» политические движения, племенные объединения и даже организованные преступные группировки (например, наркокартели в Латинской Америке). Углубляющийся кризис национально-государственной идентичности открывает дорогу альтернативным групповым идентичностям — племенным, этническим, конфес-

³⁹ Кортунов А. Миражи Вестфали // РСМД 05.08.2020.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirazhi-vestfalya/>

сиональным, региональным и многим другим. Соответственно, транснациональные игроки мировой политики (такие как политический ислам) получают дополнительные возможности.

Во-вторых, даже в развитых странах глобального Севера консолидацию общества вокруг государства нельзя воспринимать как универсальную закономерность. Да, во многих европейских странах такой эффект действительно наблюдается. А вот в Соединенных Штатах опросы общественного мнения не зафиксировали резкого повышения популярности Д. Трампа в условиях кризиса. Твердые «трамповцы» остались на прежних позициях, но и «анти-трамповцы» своих взглядов не поменяли. Если кто-то в Америке и консолидировался, то это сторонники Демократической партии, что поставило под сомнение перспективу переизбрания нынешнего президента в ноябре. Большинство обществ глобального Севера остаются экономически, социально и политически расколотыми, что, несомненно, накладывает жесткие ограничения на процессы усиления государств. Это относится, безусловно, и к внешнеполитической сфере — расколотые общества не создают социальной и политической базы для последовательной, предсказуемой, стратегически ориентированной внешней политики.

В-третьих, далеко не очевидно, что нынешняя тенденция к укреплению государств и мода на национализм окажутся устойчивыми в среднесрочной перспективе, не говоря уже о перспективе долгосрочной. Многие эксперты полагают, что при отсутствии решающих успехов в борьбе с пандемией и рецессией нынешних национальных лидеров ожидает резкое падение общественной поддержки уже в самое ближайшее время. И не только отдельных лидеров, но идеологии национального эгоизма в целом. Ясно и то, что проигравшие социальные и политические силы не признали своего исторического поражения и энергично готовятся к реваншу. Глобалисты сегодня ослаблены, но они не исчезли и по-прежнему представляют собой значительную силу. Некоторые даже пророчат на 2021 г. активное контрнаступление либеральных интернационалистов и энтузиастов многосторонности в глобальном масштабе под знаменами вновь избранного президента США Дж. Байдена.

В-четвертых, усиление национальных государств не обязательно означает, что взаимодействие этих государств автоматически породит международную систему, подобную Вестфальскому порядку XVII в. или Европейскому концерту XIX в. Эти системы были относительно однородными в политическом, культурном, экономическом и иных отношениях, число их участников было весьма ограниченным. Современный мир намного больше и разнообразнее Западной Европы XVII в. В то же время для современного мира характерна несравненно более высокая степень взаимосвязанности и взаимозависимости, чем для европейских государств Нового времени. Все это делает сведение современных международных отношений к традиционным межгосударственным отношениям исключительно сложной, а скорее всего — вообще нерешаемой задачей.

В-пятых, большие сомнения вызывает тезис о том, что индикатором усиления национальных государств следует считать наблюдающийся кризис международных организаций и многосторонних институтов — от ООН и НАТО до Европейского союза и ВТО. Действительно, ни одна из этих организаций не смогла выступить в роли лидера, направляющего усилия международных игроков на восстановление управляемости международной системы. Но справедливо ли противопоставлять государства многосторонним международным институтам? Ведь только сильное и ответственное государство в состоянии выступить активным и надежным участником многосторонней структуры. Только сильное и ответственное государство готово делегировать часть своего суверенитета международной организации⁴⁰. Напомним, что в создании Организации Объединенных Наций участвовали именно сильные, а не слабые международные игроки. Сильные государства сделали возможным рождение Европейского союза. Напрашивается вывод — кризис многосторонности отражает не силу, а слабость государств, неспособных позволить себе сильные международные институты. При том, что потребность в таких институтах в современных условиях ни у кого не вызывает сомнений.

Наконец, нельзя исключать вероятности того, что предполагаемое усиление государств будет сопровождаться сдвигом в системах их текущих приоритетов в направлении внутренних проблем, и что в мире после кризиса мы увидим более изоляционистский Китай, Индию, Соединенные Штаты и Россию, более обращенный внутрь себя Европейский союз. Последствия этого сдвига в приоритетах для международной системы пока остаются неясными. Изоляционизм великих держав не обязательно станет роковым ударом по глобальной или региональной стабильности⁴¹. Но также далеко не очевидно, что более изоляционистский мир национальных государств окажется более устойчивым и надежным: вакуум силы, остающийся во многих регионах мира после ухода оттуда великих держав может оказаться заполненным безответственными игроками, в том числе и негосударственными.

Фактическое ослабление национальных государств ставит под сомнение распространенный тезис о том, что кризис укорит трансформацию международной системы в направлении американо-китайской биполярности. Есть много аргументов против этой точки зрения, в частности, прогноз о том, что и США (что очевидно), и КНР (что менее очевидно) выйдут из кризиса серьезно ослабленными и неспособными к глобальному лидерству. Главной проблемой США остается упомянутый выше глубокий социально-политический раскол страны, препятствующий проведению последовательной и даже просто предсказуемой внешней политики. Главной проблемой КНР

⁴⁰ Обвинения ВОЗ в неэффективности в условиях неготовности национальных государств дать организации дополнительные полномочия и увеличить ее бюджет выглядят лицемерием. См.: Радд К. COVID-19 и национализм // IPG: международная политика и общество. 12.03.2020. URL: https://www.ipgjournal.io/index.php?id=57&L=0&tx_news_pi1%5Bnews%5D=1015&tx_news_pi1%5Bcontroller%5D=News&tx_news_pi1%5Baction%5D=detail&utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=ru_175_20200318&cHash=d319d1c0e24f31cc4d5cd3aab68a31a1

⁴¹ Lieven A. The Coronavirus Holds Up a Mirror to Existing Societies: What Will They See? // Russia in Global Affairs. 09.04.2020. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/corona-mirror-societies/>

остается проблема международного имиджа, которая была усугублена во время пандемии, когда Пекин начали подозревать во всех грехах — начиная от сокрытия информации о COVID-19 до причастности китайских военных к его созданию⁴².

Системный кризис временно отодвинул на задний план мировой политики традиционных негосударственных драйверов глобализации, включая университеты, независимые аналитические центры, либеральные средства массовой информации, институты гражданского общества, равно как и глобально ориентированный частный сектор. Все эти игроки сталкиваются с растущими трудностями, безуспешно пытаясь удержать свой статус в мировой политике, достигнутый ими в последние два-три десятилетия.

Большинству ведущих драйверов глобализации не удастся даже сохранить свои традиционные форматы работы или перевести их в онлайн-режим. Пока говорить об успешной «конвертации» трансграничного образовательного, научного, социального, культурного и гуманитарного взаимодействия в новые форматы, как минимум, преждевременно. Например, по международному опросу, проведенному в апреле 2020 г., около 40% абитуриентов, рассматривавших возможность обучения за рубежом, были вынуждены пересмотреть свои планы в связи с пандемией. Восстановление уровня студенческой мобильности 2019 г. может потребовать до пяти лет⁴³. В свою очередь, снижение уровня международной образовательной мобильности нанесет существенный ущерб как отдельными университетам, так и целым странам (Австралия, Великобритания, Новая Зеландия), сделавшим ставку на экспорт образовательных услуг⁴⁴. Но, пожалуй, более существенно то, что снижение уровня международной образовательной мобильности неизбежно окажет негативное воздействие на качество нового поколения национальных политических и интеллектуальных элит — того поколения, которое будет определять будущее своих государств в середине нынешнего века.

В этом же направлении действуют и другие процессы происходящей деглобализации, имеющие своим следствием истончение ткани международного гуманитарного взаимодействия во всех его проявлениях. По очень консервативным оценкам, количество иностранцев, которые посетят США на протяжении текущего года, сократится на 23% (или 18 млн человек) по сравнению с 2019 г.⁴⁵ Общества, оторванные друг от друга и замкнутые в границах национальных государств, становятся более провинциальными и более подверженными манипуляциям со стороны национальных правительств.

⁴² Зевелев И. Постковидная слабость сверхдержав // Коммерсант. 31.05.2020.
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4364043>

⁴³ См.: Nic M. 40% of students changing study abroad plans, says survey // University World News. 14.04.2020.
URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200414082756282>

⁴⁴ Altbach Philip G, Hans de Wit. COVID-19: The internationalization revolution that isn't // University World news. 14.03.2020.
URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200312143728370>

⁴⁵ The Economic Impact of the Coronavirus Due to Travel Losses – 2020 Analysis // Oxford Economics. 16.03.2020.
URL: https://www.ustravel.org/sites/default/files/media_root/document/Coronavirus_2020_Impacts_WEB.pdf?mc_cid=55035ad629&mc_eid=6f24f55c06

Тем не менее снижение международной активности негосударственных игроков как результат нынешнего кризиса имеет свои пределы. Уже по той причине, что все эти игроки рано или поздно потребуются национальным государствам для проведения эффективной внешней политики в очень сложном и быстро меняющемся глобальном окружении XXI в. Кризис 2020 г., как и все кризисы прошлого, не отменяет значения мягкой силы как внешнеполитического инструмента. Кроме того, нынешняя тенденция к национальной замкнутости и «огосударствлению» международных отношений будет неизбежно наткаться на ограничения, связанные с возможностями современных информационно-коммуникационных технологий. А современное общество будет с неизбежностью продуцировать социальные и профессиональные группы, ориентированные на горизонтальное международное взаимодействие.

Восстановление докризисного баланса государственных и негосударственных игроков в международных отношениях займет, как минимум, несколько лет. При этом для одних государств этот процесс может оказаться менее продолжительным и менее болезненным, для других — более длительным и противоречивым. Сохранится соблазн закрепить нынешние вынужденные и временные ограничения в качестве желательных и постоянных⁴⁶. Но в целом активизация негосударственных игроков представляется не только неизбежной, но и крайне важной как для стабилизации международной системы в целом, так и для подготовки международного сообщества к новому витку процессов глобализации («Глобализация 2.0») в более отдаленной перспективе. Предстоящие несколько лет деглобализации дают возможность государствам отработать механизмы взаимодействия с негосударственными игроками мировой политики и экономики; тем, насколько это удастся, в значительной степени будет определяться удельный вес тех или иных государств в мировой политике 2030-х гг. и в более далеком будущем.

⁴⁶ Кортунов А. Крепость или бункер? // РСМД. 13.07.2020.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krepost-ili-bunker/>

Актуальность многосторонности

Пандемия коронавируса и начало глобальной экономической рецессии еще раз подтвердили наличие на планете глобального социума, взаимозависимости даже самых удаленных друг от друга стран и регионов мира. Кризис в очередной раз продемонстрировал очевидную потребность в коллективных действиях государств, равно как и ценность для мировой политики принципа многосторонности⁴⁷.

Теоретически, кризис 2020 г. мог бы стать историческим рубежом в истории международных отношениях, подтолкнув все страны мира к более активному взаимодействию друг с другом, к использованию тех или иных моделей многосторонних подходов для решения общих проблем⁴⁸. Здравый смысл подсказывает, что в условиях кризиса национальные лидеры должны были решительно пересмотреть систему своих внешнеполитических приоритетов, проявить больше гибкости и готовности к компромиссам в отношениях со своими оппонентами и соперниками, отказаться от каких-то второстепенных, ситуативных задач во имя восстановления стабильности международной системы в целом. Активное использование многосторонних институтов, режимов и механизмов в экономике, здравоохранении, научных и опытно-конструкторских работах, в образовании и пр. могло бы ускорить выход международного сообщества из кризиса и снизить издержки кризиса для всех стран⁴⁹.

Тем не менее одним из самых явных побочных эффектов начавшегося кризиса стало усиление антиглобалистов, подъем изоляционизма и ксенофобии, демонстрация низкой продуктивности многосторонних форматов взаимодействия государств⁵⁰. Многосторонние механизмы сотрудничества оказались неподготовленными к эффективной работе в новых исторических условиях.

Самым наглядным примером отхода от принципа многосторонности на раннем этапе распространения COVID-19 стало решение администрации Трампа закрыть границы США для граждан Европейского союза, принятое без каких-либо консультаций с американскими союзниками в Европе⁵¹. Это решение сразу же стало объектом жесткой критики не только со стороны

⁴⁷ Mogherini F. Listening to the Pandemic // Project Syndicate. 17.03.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid19-pandemic-makes-short-work-of-nationalism-by-federica-mogherini-2020-03>

⁴⁸ Antonenko O. Coronavirus Pandemic Offers Opportunity to Change Russia's Relations with the West // Wilson Center. 13.03.2020. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/coronavirus-pandemic-offers-opportunitychange-russias-relations-west>

⁴⁹ Duclos M. Covid-19 the Clarifier: The Impact of the Virus on France's Foreign Policy // Institut Montaigne. 20.08.2020. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/blog/covid-19-clarifier-impact-virus-frances-foreign-policy>

⁵⁰ Paul M. How coronavirus could destroy the Western multilateral order // New Statesman. 25.03.2020. URL: https://www.newstatesman.com/world/north-america/2020/03/how-coronavirus-could-destroy-western-multilateral-order?mc_cid=6a901092aa&mc_eid=6f24f55c06

⁵¹ Orr G. Trump announces 30-day suspension of most travel from Europe // Politico. 13.03.2020. URL: https://www.politico.eu/article/trump-announces-30-day-suspension-of-travel-from-europe/?mc_cid=fe1c63aa01&mc_eid=6f24f55c06

политиков Евросоюза, но и в Соединенных Штатах как вызывающее, провокационное и лишённое практического смысла⁵².

Впрочем, через очень короткое время государства — члены Евросоюза последовали американскому примеру в ограничениях международного авиасообщения. Более того, эти ограничения затронули не только общение Евросоюза с внешним миром, но и перемещения внутри ЕС и даже внутри отдельных стран — членов. Более того, начало пандемии вообще породило сомнения в актуальности базовых принципов, на которых строился Европейский союз⁵³. По мнению ряда экспертов, из-за неспособности оперативно договориться о совместных действиях на начальной стадии распространения пандемии страны ЕС потеряли от четырех до шести недель, что и привело к столь широкому распространению COVID-19 на территории Европы, включая и территорию соседей Евросоюза.

По мере ухудшения глобальной эпидемиологической обстановки становилось все более ясным, что роль эффективного глобального штаба по борьбе с пандемией не готовы взять на себя ни Совет Безопасности ООН, ни Группа двадцати. Внутри таких объединений как ЕС, АСЕАН, ЕАЭС с самых первых недель пандемии выявились различные, подчас — существенно расходящиеся национальные стратегии противостояния коронавирусу. Испытание пандемией выявило многие институциональные, политические и экономические проблемы внутри многосторонних организаций, которые в более благоприятных условиях удавалось игнорировать или разрешать. Объединяющая и координирующая роль Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в борьбе с пандемией оказалась очень ограниченной⁵⁴, а с учетом решения администрации Трампа о выходе из ВОЗ⁵⁵ даже будущее этой организации находится под вопросом.

В России нередко высказывается мысль о том, что кризис обнажил существенные несовершенства преимущественно западных моделей многосторонности — как институциональные, так и идейно-политические. «Старой» западной многосторонности противопоставляется «новая» многосторонность в лице таких структур как БРИКС, ШОС и ЕАЭС. Однако приходится констатировать, что и эти «новые» структуры оказались не слишком успешными в противостоянии коронавирусу, и сотрудничество между их членами

⁵² McTague T. Trump's European Travel Ban Doesn't Make Sense // The Atlantic. 12.03.2020.

URL: https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/03/donald-trump-coronavirus-europe-britain-schengen-travel/607876/?mc_cid=fe1c63aa01&mc_eid=6f24f55c06

⁵³ Guagliardo S. The Coronavirus can make or break the Union // Encompass. March 2020.

URL: https://encompass-europe.com/comment/the-coronavirus-can-make-or-break-the-union?mc_cid=0a4dfa3462&mc_eid=6f24f55c06

⁵⁴ Вместе с тем надо отдать должное ВОЗ в оперативной и точной оценке угроз и рисков, связанных с пандемией: WHO Director-General's opening remarks at the media briefing on COVID-19 // WHO. 28.02.2020.

URL: <https://www.who.int/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19--28-february-2020>

⁵⁵ Тимофеев И. Трамп vs ВОЗ: «Это хуже, чем преступление, это — ошибка» // РСМД. 16.04.2020.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tramp-vs-voz-eto-khuzhe-chem-prestuplenie-eto-oshibka/>

осуществлялось преимущественно на двусторонней, а не на многосторонней основе⁵⁶.

Кризис подтвердил, что многосторонность *à la carte*, которая в той или иной степени работает в «нормальных» условиях, быстро обнаруживает свою несостоятельность в чрезвычайных обстоятельствах, когда затрагиваются жизненно важные интересы национальных государств. Кризис также показал, что в попытках выстроить эффективные многосторонние механизмы нельзя оставить за скобками вопрос об общности принципов и ценностей, хотя бы в самом ограниченном их понимании⁵⁷.

Очевидный дефицит международной солидарности и готовности к многосторонним действиям проявился и в том, как мир отозвался на призыв к «коронавирусному перемирию», с которым выступил в марте 2020 г. Генеральный секретарь ООН. Хотя в первые недели после призыва во многих конфликтных ситуациях интенсивность боевых действий снизилась, позитивный эффект оказался очень недолговечным — буквально через две-три недели уровень вооруженного насилия в мире вернулся к докризисным показателям⁵⁸.

В одних случаях это было связано с уверенностью одной из конфликтующих сторон, что перемирие, фиксирующее статус-кво, ей невыгодно, так как препятствует достижению «окончательной» победы над противником. В других случаях, проблема заключалась в отсутствии необходимой инфраструктуры для эффективного мониторинга выполнения сторонами условий перемирия. Существенным негативным фактором оказалась неспособность Совета Безопасности ООН достичь консенсуса по отношению к конфликтным ситуациям и отразить консенсус в соответствующих резолюциях. Наконец, не стоит забывать и об «эффекте привыкания» к коронавирусу: если в марте пандемия воспринималась как беспрецедентная катастрофа глобальных масштабов, то уже в апреле–мае для многих участников конфликтов COVID-19 стал всего лишь одной из «независимых переменных», которые надо учитывать при планировании боевых операций⁵⁹.

Упадок многосторонних институтов и режимов, равно как и усиление национальных государств, начался задолго до появления COVID-19. Готовность человечества к коллективным действиям в борьбе против общих вызовов — будь то эпидемии, природные бедствия или техногенные катастрофы, в целом снижалась на протяжении, как минимум, последнего десятилетия. Систематическое культивирование национализма и национальной исклю-

⁵⁶ Moshes A., Nizhnikau R., Silvan K. Eurasian Union fails a critical test: Displaying irrelevance in the time of the corona crisis // FIIA Comment 12. 05.04.2020.
URL: https://www.fiaa.fi/en/publication/eurasian-union-fails-a-critical-test?mc_cid=769cc1fedf&mc_eid=6f24f55c06

⁵⁷ Кортунюв А. Что такое многосторонность «по-европейски»? // РСМД. 20.05.2020.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-mnogostoronnost-po-evropeyski/>

⁵⁸ What Happens to Armed Conflicts During a Global Pandemic? Three questions to Armida van Rij // Institut Montaigne. 05.05.2020. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/blog/what-happens-armed-conflicts-during-global-pandemic>

⁵⁹ Gowan R. What's Happened to the UN Secretary-General's COVID-19 Ceasefire Call? // International Crisis Group. 16.06.2020. URL: <https://www.crisisgroup.org/global/whats-happened-un-secretary-generals-covid-19-ceasefire-call>

чительности, скрытое или явное поощрение ксенофобии, высокомерное пренебрежение нормами международного права, приоритет тактических интересов по отношению к стратегическим — все те особенности мировой политики, которые мы наблюдаем в последние годы, возникли в международной практике еще в начале столетия.

Два десятилетия назад готовность к международному сотрудничеству была намного выше. Когда в начале века разразилась эпидемия т.н. «птичьего гриппа», американские эпидемиологи тут же пришли на помощь своим китайским коллегам в работе по идентификации вируса-носителя (H5N1). В итоге опаснейшую вспышку эпидемии «птичьего гриппа» (в скобках напомним, что уровень смертности от вируса достигал 60%), удалось подавить в самом зародыше, а жертвами эпидемии оказались всего лишь несколько сот человек. Естественно, в те времена в США еще не было никаких ограничений на научное сотрудничество с КНР, да и вообще Китай не считался непримиримым геополитическим противником Америки⁶⁰. Сегодня борьба против коронавируса становится не объединяющим, а дополнительным разъединяющим фактором, который обостряет конкуренцию как национальных государств, так и национальных моделей развития⁶¹. Национальные программы по разработке антивирусной вакцины все больше напоминают советско-американскую гонку за лидерство в космосе 50-х – 60-х гг. прошлого века⁶².

Надо признать, что сторонники многосторонности оказались интеллектуально неготовыми к кризису — неспособными предложить продуманную и реалистическую концепцию борьбы с COVID-19 на глобальном уровне; их призывы к объединению человечества часто звучали как общие декларации и оторванные от реальности лозунги. В условиях беспрецедентной в XXI в. эпидемиологической угрозы такие призывы выглядели в глазах общественности не слишком убедительно. Пандемия, как и последовавшая за ней экономическая рецессия вновь подтвердили старую истину: многосторонность и ориентация на общее благо пользуются широкой общественной поддержкой в периоды подъема, экономического роста и процветания, а в моменты кризисов, испытаний и невзгод общества начинают отдавать предпочтение транзакционным подходам во внешней политике.

Вместе с тем утверждения о необратимом упадке и даже о «смерти» многосторонности под воздействием кризиса 2020 г., на наш взгляд, выглядят необоснованными; нельзя сказать, что принципы многосторонности вообще не работают в условиях пандемии. Если обратиться к опыту ЕС, то надо признать, что по некоторым вопросам странам — членам все-таки удалось договориться. Пандемия коронавируса выявила казавшуюся ранее несущ-

⁶⁰ Кортунов А. Коронавирус: новый баг или фишечка мировой политики? // РСМД. 15.03.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-novyy-bug-ili-fisha-mirovoy-politiki/>

⁶¹ Salisbury CB D. Coronavirus Vaccine: Available For All, or When it's Your Turn? // Chatham House. 04.05.2020. URL: https://www.chathamhouse.org/expert/comment/coronavirus-vaccine-available-all-or-when-its-your-turn?mc_cid=769cc1fedf&mc_eid=6f24f55c06

⁶² Borrell B. The Dire Diplomacy of the Global 'Race for a Vaccine' // Wired. 30.04.2020. URL: https://www.wired.com/story/the-dire-diplomacy-of-the-global-race-for-a-vaccine/?mc_cid=423552684d&mc_eid=6f24f55c06

щественной институциональную слабость ЕС: в рамках Европейского союза основные вопросы общественного здравоохранения по-прежнему остаются в ведении государств-членов, а не в компетенции Брюсселя. На этом фоне пандемия стала очень серьезным испытанием для единства ЕС, сравнимым с испытанием миграционным кризисом 2015–2016 гг.

Тем не менее, при всех эксцессах первоначальной реакции стран ЕС на пандемию в Италии, в Брюсселе достаточно оперативно были достигнуты договоренности о координации подходов к закупкам медицинского оборудования, лекарств и индивидуальных средств защиты, а также об увеличении общего финансирования исследований, связанных с антивирусной вакциной. Кроме того, было принято решение о смягчении правил финансовой дисциплины для стран-членов, что позволяет особенно пострадавшим странам значительно увеличить свои бюджетные дефициты⁶³. Члены ЕС подтвердили отказ от любых протекционистских мер внутри Союза. Европейский Центробанк обязался выделить 750 млрд евро (или около 4% общего ВВП) в виде финансовых интервенций для предотвращения обвала европейской экономики.

В целом можно констатировать, что несмотря на сложность процесса принятия решений, внутренние разногласия и дополнительные проблемы, финансово-экономическая политика Брюсселя в условиях кризиса оказалась более продуманной, сбалансированной и стратегически ориентированной, чем аналогичная политика Вашингтона⁶⁴. Можно также отметить, что в принятии важнейших финансовых и экономических решений, связанных как с пандемией, так и с рецессией, Евросоюз действовал более оперативно и организовано, чем в аналогичных ситуациях в 2008 и в 2012 гг., так что говорить об углублении кризиса в использовании многосторонних механизмов и процедур внутри ЕС было бы преувеличением; напротив, с определенными оговорками следует признать достижение «зрелости» некоторыми ключевыми структурами Брюсселя⁶⁵. Парадоксальным образом выход Великобритании из Евросоюза укрепил эти процедуры и механизмы, поскольку добиться общеевропейского консенсуса с участием Лондона было бы, без сомнения, гораздо труднее.

В более долгосрочном плане Евросоюз планирует создание собственного резерва средств борьбы с коронавирусом, а также достижение «стратегической автономии» в противодействии новым пандемиям. Насколько эти планы будут реализованы, пока сказать трудно. Некоторые авторы предсказывают, что одним из последствий пандемии может оказаться отказ от

⁶³ Временная приостановка действия Пакта финансово-экономической стабильности (Маастрихт) в Евросоюзе считается проявлением общеевропейской солидарности и демонстрацией европейского единства. Однако, если такая приостановка затянется, то она способна углубить раскол между Югом и Севером континента и привести к окончательному отказу Северной Европы гарантировать суверенные долги Южной Европы.

⁶⁴ Roach S.S. From American to European Exceptionalism // Project Syndicate. 22.07.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/european-rescue-fund-weakens-dollar-hegemony-by-stephen-s-roach-2020-07>

⁶⁵ Védrine H., L. van Middelaar, Sellal P. Il faut que l'Europe achève ce qui est resté incomplet // Le Monde. 04.03.2020. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2019/03/04/hubert-vedrine-et-luuk-van-middelaar-il-faut-que-l-europe-acheve-ce-qui-est-reste-incomplet_5430998_3232.html

принципа консенсуса в принятии решений Евросоюзом⁶⁶, что, разумеется, будет означать очень серьезные изменения не только для европейских институтов, но и для базовых принципов «европейского проекта» в целом.

При все очевидных недостатках механизмов многосторонности, их противники до сих пор не предложили никаких убедительных альтернатив многосторонним решениям в преодолении системного кризиса, в том числе его эпидемиологической составляющей. Попытки отгородиться от своих соседей и партнеров, запретить экспорт медицинского оборудования, средств индивидуальной защиты и лекарственных препаратов не дают желаемого результата с точки зрения ограничения распространения коронавируса на собственной территории. Политика «торговых войн» с партнерами создает дополнительный негативный фон, усугубляющий проблемы, связанные с пандемией. Это особенно хорошо заметно на примере Соединенных Штатов, которые уже в конце марта вышли на первое место в мире по числу инфицированных⁶⁷.

Если бы гипотеза о возрождении Вестфалия, о триумфе национального эгоизма и о низкой эффективности многосторонности была верной, то Соединенные Штаты Д. Трампа должны были бы справиться с пандемией COVID-19 куда лучше, чем Европейский союз. Однако в реальности на начало августа в США было зафиксировано более чем в три раза больше инфицированных коронавирусом, чем в ЕС (4,7 млн против 1,5 млн). Уровень безработицы в США уже к лету достиг 13% против 6,7% в среднем по Евросоюзу. Еще более удивительно то обстоятельство, что различия в стратегиях противодействия пандемии между отдельными штатами США оказались в целом более существенными, чем расхождения в национальных стратегиях стран — членов ЕС. Если исключить особый случай Швеции, то в подходах стран Евросоюза к эпидемиологическому кризису оказалось куда больше общего, чем в подходах Калифорнии и Нью-Йорка, Массачусетса и Аризоны, Нью-Джерси и Флориды, Вермонта и Техаса⁶⁸.

Вероятно, столь очевидный провал американской односторонности в ходе кризиса стал определенным ограничителем для роста националистических, изоляционистских настроений в Европе. В глазах большинства европейцев США уже к началу лета выглядели не как образец для подражания, но, скорее, как отрицательный пример. Опросы общественного мнения показывали, что за полгода кризиса в Евросоюзе не произошло радикального сдвига настроений в пользу евроскептиков, которые предсказывались ранее⁶⁹.

⁶⁶ Дынкин А.: Танец черных лебедей. Мировая премьера // Интерфакс. 29.03.2020.
URL: <https://www.interfax.ru/interview/701437>

⁶⁷ Elliott K.A. Trump's Trade Policies Are Making the Coronavirus Pandemic Even Worse // World Politics Review. 24.03.2020.
URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/28626/the-trump-tariffs-are-making-the-coronavirus-pandemic-even-worse>

⁶⁸ Gros D. Europe's Good Crisis // CEPS. 07.07.2020.
URL: https://www.ceps.eu/europes-good-crisis/?mc_cid=07e495f4fc&mc_eid=5490413720

⁶⁹ Krastev I., Leonard M. Europe's pandemic politics: How the virus has changed the public's worldview // ECFR. 24.06.2020.
URL: https://www.ecfr.eu/publications/summary/europes_pandemic_politics_how_the_virus_has_changed_the_publics_worldview

Заглядывая в будущее, можно предположить, что многосторонние подходы так или иначе будут развиваться. Их развитие станет более медленным в условиях давления популизма и сложившейся инерции односторонних практик, а также сложности достижения компромиссов в условиях тяжелой экономической ситуации. По всей видимости, механизмы институциональной многосторонности в ближайшем будущем окажутся более эффективными на региональном уровне (Европа, Юго-Восточная Азия), чем на глобальном уровне. На глобальном же уровне формирование нового поколения многосторонних институтов будет идти по линии поэтапной институционализации эффективно работающих многосторонних режимов. Можно также предположить, что движение в сторону многосторонности начнется с технических, относительно частных вопросов, а не со стратегических, политически чувствительных проблем⁷⁰.

Институциональное закрепление многосторонности будет медленным и непоследовательным — по крайней мере, на протяжении ближайших нескольких лет. Потребуется очень серьезное изменение менталитета правящих элит, особенно в ведущих мировых державах (США, Китай, Россия), не имеющих серьезного исторического опыта в практике многосторонности. Вероятно, им придется осваивать опыт других участников мировой политики, например, Европейского союза⁷¹. Попутно добавим, что проблематика многосторонности остается относительно слабо разработанной и на концептуальном уровне, заполнение многочисленных пробелов в этой области должно стать одной из приоритетных задач специалистов по теории международных отношений.

Тем не менее, очень трудно представить себе мир XXI в. без многостороннего измерения мировой политики. Представления о «смерти многосторонности» в ходе системного кризиса 2020 г. выглядят, мягко говоря, сильно преувеличенными. Альтернативные варианты мироустройства — такие как «атомизация» мировой политики и распад международной системы на россыпь национальных государств, возрождение имперских проектов с жесткой внутренней иерархией отношений внутри империй, появление новых глобальных идеологий или религий, способных объединить человечество, — представляются не очень вероятными⁷². Именно многосторонность как базовый принцип объединения человечества для решения общих задач в наибольшей степени соответствует международным реальностям эпохи глобализации.

⁷⁰ Hadfield A. NATO's COVID-19 moment? // Encompass.04.2020.

URL: https://encompass-europe.com/comment/natos-covid-19-moment?mc_cid=57bb18a2e1&mc_eid=6f24f55c06

⁷¹ Кортунов А. Что такое многосторонность «по-европейски»? // РСМД. 20.05.2020.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-mnogostoronnost-po-evropeyski/>

⁷² Кортунов А. Неизбежность странного мира // РСМД. 15.06.2016.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/heizbezhnost-strannogo-mira/>

Дилеммы глобального управления

Как было отмечено выше, история прошедших 20 лет XX столетия наглядно демонстрирует процесс постепенного затухания мощного импульса глобализации, возникшего в последнее десятилетие прошлого века. Системный кризис 2020 г. сделал многие латентные проявления деглобализации предельно явными, хотя, как представляется, не изменил стратегического вектора движения мирового социума в направлении глобального сообщества. Торможение процессов объединения человечества проходило поразному в разных регионах мира в разных измерениях международной жизни. Было бы, наверное, неправильным пытаться найти какую-то одну главную причину сбоя в казавшихся ранее безальтернативными тенденциях. Речь идет о целом комплексе объективных и субъективных препятствий, проявившихся по мере повышения уровней связанности человечества на рубеже веков.

По всей видимости, основные причины замедления процессов глобализации лежат не столько в самом этом явлении как таковом, сколько в неумении или нежелании национальных элит эффективно управлять ходом глобальной интеграции. То есть основные проблемы так или иначе связаны с отсутствием механизмов глобального управления, соответствующих новым реальностям международной жизни. Национальные элиты в большинстве стран мира по разным причинам оказались не готовыми к фундаментальной трансформации систем мировой политики. Риски, связанные с этой трансформацией, воспринимались и продолжают восприниматься этими элитами как более высокие по сравнению с рисками, связанными с сохранением статус-кво.

Главное противоречие нашей эпохи — противоречие между объективной потребностью человечества в выходе на новый уровень глобального управления и «охранительским» настроем национальных элит, стоящих на защите статус-кво. Общества нуждаются в международном сотрудничестве, элиты боятся потерять часть своей власти и легитимности и поэтому культивируют популистский национализм, закрытость и ксенофобию. Национализм, в свою очередь, создает собственную динамику, превращая элиты в заложников порожденных ими самими настроений и восприятий. Характерный пример — негативное развитие отношений США с Китаем в последние годы. На экспертном уровне все вроде бы понимают, что с Китаем надо как-то договариваться, но политическая логика противостояния закладывает долгосрочный курс на обострение конфронтации, который без сомнения переживет нынешнюю избирательную кампанию и будет и дальше препятствовать достижению любых компромиссов между Вашингтоном и Пекином.

Торможение глобализации в конце первого десятилетия XXI в., а затем и начало деглобализации во втором десятилетии столетия — не уникальный случай в истории человечества. За революцией часто следует реставрация.

Но никакая реставрация не воспроизводит *ancien régime* в полном объеме. Дореволюционная Франция Людовика XVI (1774–1792 гг.) и «реставрированная» Франция Людовика XVIII через три десятилетия после Великой революции (1814–1824 гг.) — это две очень разные страны. Нынешнее отступление глобализации не означает восстановления «нормальности» прошлого, той «нормальности», которая была искажена какими-то сиюминутными обстоятельствами уникального исторического момента, который больше не повторится. Процесс интеграции человечества будет так или иначе продолжен, хотя конкретные формы и скорость этой интеграции могут меняться в широких пределах.

Сравнивая ситуацию системного кризиса 2020 г. и ситуацию глобального финансового кризиса 2008–2009 гг., нельзя не прийти к выводу о том, что потребность в совместных усилиях сегодня больше, а готовность к ним меньше. На поверхности этот парадокс выглядит как негативный побочный эффект изменившейся динамики отношений по линии США — Китай⁷³. Но проблема, разумеется, выходит далеко за рамки двусторонних отношений Вашингтона и Пекина. Более глубокой причиной является упомянутая выше асинхронность процессов глобализации в современном мире. Экономическая логика требует учета системных интересов, долгосрочных стратегий, сложных и не всегда понятных обывателю решений. Политическая логика, наоборот, ориентирована на национальные интересы, краткосрочные задачи и популистские, понятные всем решения («псевдорешения»). Поскольку политика сегодня явно доминирует над экономикой, то и экономическая целесообразность отодвигается на задний план.

Поскольку нет никаких оснований полагать, что данная ситуация принципиально изменится в самое ближайшее время, человечество ожидает десятилетие повышенных рисков в «реставрированной» системе неомодернизма⁷⁴. Основное желаемое содержание мировой политики десятилетия — минимизировать негативные последствия возвращения архаики в международную жизнь и подготовиться к новой попытке выстроить современную систему глобального управления в условиях вероятного нового усиления тенденций к глобализации («Глобализации 2.0»). Одной из важнейших задач предстоящего периода могла бы стать «работа над ошибками», а именно — достижение хотя бы общего консенсуса по принципиальным вопросам, остающимся камнем преткновения для международной интеграции с начала столетия. Отсутствие консенсуса в значительной мере поставило пределы процессам глобализации начале века («Глобализации 1.0»). Перечислим некоторые из них.

⁷³ Сегодня некоторые американские эксперты заявляют, что одним из немногих позитивных итогов пандемии коронавируса станет неизбежная «экономическая расстыковка» США и Китая. См.: Michta A.A. The Wuhan Virus and the Imperative of Hard Decoupling // *The American Interest*. 17.03.2020. URL: https://www.the-american-interest.com/2020/03/17/the-wuhan-virus-and-the-imperative-of-hard-decoupling/?mc_cid=55035ad629&mc_eid=6f24f55c06

⁷⁴ Кортунов А. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем // РСМД. 30.01.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vospominaniya-o-budushch/>

Суверенитет и взаимозависимость

Акценты на неделимость и неделимость государственного суверенитета, по всей видимости, будут одной из характерных особенностей «реставрационной» наступающей эпохи. Эти акценты, кстати, уже сами по себе свидетельствуют о слабости государств, пытающихся обеспечить себе гарантии от внешнего воздействия даже в тех случаях, когда их внутренняя практика не соответствует общепринятым в международном сообществе стандартам и нормам. С другой стороны, как справедливо отмечает Э. Карр, «неуместность государственного суверенитета — идеология доминирующих держав, которые рассматривают суверенитет других государств как препятствие для использования собственного преобладающего положения»⁷⁵.

При этом государства вновь и вновь будут демонстрировать свою неспособность реализовать право на суверенитет в полном объеме. Опыт последних десятилетий показал, что суверенные государства часто не в состоянии защитить свои границы ни от незаконных мигрантов, ни от последствий экологических проблем на территории соседей, ни, наконец, от эпидемиологических заболеваний. Разрыв между вытекающими из государственного суверенитета правами и предполагаемыми обязанностями носителей суверенитета будет расти и дальше. Многие малые и «не вполне состоявшиеся государства» демонстрируют формальные символы государственного суверенитета, на практике таким суверенитетом не обладая, но претендуя на «вестфальский» статус. Великие державы относятся к государственному суверенитету, исходя из своих текущих интересов. В их представлении, эффективный государственный суверенитет — своего рода привилегия, которой располагают очень немногие⁷⁶.

В любом случае зона эффективного практического применения формальных принципов «традиционного» суверенитета неизбежно будет и дальше сужаться. В этом отношении характерен пример Евросоюза — сохраняющийся до настоящего времени суверенитет над сферой общественного здравоохранения чуть не развалил ЕС во время пандемии коронавируса, потянув за собой целую цепь непредвиденных последствий, и потребовал, по крайней мере, временных изъятий части полномочий в этой сфере из компетенции национальных правительств и передачи этих полномочий наднациональным органам ЕС. Значит, необходимо новое понимание баланса суверенитета и взаимозависимости, повышающее готовность государств к коллективным действиям⁷⁷. Должно прийти осознание того, что взаимозависимость и сопутствующая ей потребность в коллективных действиях — это не угроза государственному суверенитету, а одна из форм его практической реализации, основанная на представлении о возможной и даже желательной «делимости суверенитета».

⁷⁵ Carr E.H. *The Twenty Years' Crisis: An Introduction to the Study of International Relations*. London, Macmillan, 1939, p. 18.

⁷⁶ Путин В. Выступление на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. 02.06.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54667>

⁷⁷ Leonard M. *Salvaging globalization* // ECFR. 04.05.2020. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_salvaging_globalisation?mc_cid=10a59aa9d2&mc_eid=6f24f55c06

Безусловно, потребуются коррекции и в понимании «вестфальского суверенитета», запрещающего внешним игрокам вмешиваться в распределение властных полномочий внутри государства. Перефразируя известное высказывание Р. Купера в отношении коллективного или распределенного суверенитета стран Евросоюза, допустимо предположить, что модель «Глобализации 2.0» будет включать в себя «высокоорганизованную систему взаимного вмешательства во внутренние дела друг друга»⁷⁸. Выстроить такую систему в глобальном масштабе будет неизмеримо труднее, чем на региональном уровне, но так или иначе решать эту задачу придется, чтобы не девальвировать понятие суверенитета еще больше.

Регионализация и глобализация

В сложившихся обстоятельствах кризиса универсальных институтов (в частности, ВТО, а до какой-то степени — и всей системы ООН) регионализация выступает как наиболее практически осуществимый формат многостороннего международного сотрудничества. Процесс складывания крупных региональных торгово-экономических партнерств набирает скорость, процесс формирования региональных политических и стратегических альянсов идет гораздо медленнее, но и здесь заметны сдвиги в направлении более глубокой интеграции (например, развитие политической составляющей в деятельности АСЕАН).

Происходящее укрупнение строительных блоков, из которых должен складываться новый мировой порядок, в чем-то упрощает переход к новому уровню глобального управления. Более ограниченное число игроков облегчает достижение договоренностей, повышает устойчивость и предсказуемость системы. Но регионализация содержит в себе и многочисленные риски — от институционализации конкуренции между региональными группировками до распада уже сложившихся глобальных технологических, информационных, финансовых и иных пространств. Жесткая регионализация способна создать препятствия для эффективного общемирового сотрудничества в решении глобальных задач безопасности и развития. Наконец, учитывая слабость многих региональных интеграционных проектов в Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке и на постсоветском пространстве, можно предположить, что регионализация окажется де-факто политически корректным эвфемизмом формирующейся биполярной структуры.

По всей видимости, очень важно добиться того, чтобы регионализация выступала не как альтернатива глобализации, но как необходимая ступень в процессе глобализации. Для этого, в свою очередь, нужно предусмотреть принципиальную совместимость отдельных региональных интеграционных группировок (например, совместимость процедур, стандартов и нормативов между Евросоюзом и ЕАЭС), даже если в обозримом будущем наладить эффективное практическое сотрудничество между этими группировками не представляется возможным.

⁷⁸ Cooper R. *The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-first Century*. London, Atlantic Books, 2003, p. 27.

С другой стороны, встает проблема стран, а, возможно, и целых континентов, выпадающих из жизнеспособных региональных интеграционных проектов — таких, как значительная часть Ближнего Востока, Африки, а также часть территории бывшего Советского Союза. Для них должны быть предусмотрены максимально гибкие форматы взаимодействия с интеграционными проектами (например, формат «БРИКС+»⁷⁹). В этом случае принцип региональной принадлежности не должен ограничивать возможности сотрудничества.

Наконец, у глобальных проблем должны быть глобальные решения. То есть регионализация не должна привести к расходящимся региональным подходам к таким проблемам как климат, продовольственная и энергетическая безопасность, управление транснациональными миграциями и пр. Общность или, по крайней мере, принципиальная совместимость этих подходов, должна служить тем каркасом, который не позволит мировой системе окончательно распастись на региональные компоненты и создаст для последующей «сборки» этих компонентов в единое целое.

Интересы государств и глобальные блага

Одна из фундаментальных проблем «Глобализации 1.0» состояла в том, что глобализация, особенно в последние годы, стала восприниматься преимущественно как глобальная «игра с нулевой суммой». Глобализация конкуренции (торговой, финансовой, технологической, профессиональной, социальной и любой другой) предполагала, что в новых условиях дополнительные преимущества получают самые сильные, а на долю слабых остаются исключительно издержки. Борьба за ограниченные ресурсы — будь то сырьевые, человеческие или финансовые — неизбежно должна была поделить мир на победителей и побежденных. Причем количество победителей в этом мире далеко не обязательно всегда должно превышать число побежденных. А если это так, то по мере развития процессов глобализации сопротивление этим процессам будет усиливаться. Победители будут вынуждены либо «откупаться» от побежденных, либо пытаться изолировать себя от них. Ни первый, ни второй подход не обещает долгосрочной стабильности.

Однако такой взгляд на глобализацию полностью игнорирует другое, не менее важное ее измерение, а именно — глобализацию сотрудничества как механизм создания глобальных общественных благ. Даже если ограничиться исключительно сферой экономики, стоит отметить такие общие блага как международные стандарты защиты интеллектуальной собственности, борьба с трансграничной экономической преступностью, международное сотрудничество в противостоянии практикам уклонения от налогов и пр.

Если мы выйдем за пределы экономического измерения глобализации, то убедимся, что набор глобальных общественных благ может быть гораздо

⁷⁹ Лисоволик Я. Регионализм в глобальном управлении: новые подходы. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Дискуссионный клуб «Валдай». 06.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/27333>

более широким. Глобализация предоставляет новые, ранее недоступные возможности совместной борьбы с пандемиями, международным терроризмом, измерениями климата⁸⁰. В этих сферах неприменимы понятия «победителей» и «побежденных», здесь неприменимы правила «игры с нулевой суммой», и глобализация выступает как необходимая платформа для защиты общечеловеческих интересов⁸¹. Если по мере углубления взаимосвязанности государств соотношение между глобализацией конкуренции и глобализацией сотрудничества будет меняться в пользу последней, то точно так же будет расширяться социально-экономическая и политическая база глобализации, и, соответственно, расширяться ее исторические перспективы.

Экономическая эффективность и социальная справедливость

Глобализация может оказаться устойчивым процессом только в том случае, если удастся изменить ситуацию, при которой ее дивиденды приватизируются узкими группами финансово-экономических элит, а ее издержки распределяются между средним классом и беднейшими слоями общества⁸². Во время кризиса 2008–2009 гг. большинством развитых стран были приняты колоссальные усилия для того, чтобы спасти крупнейшие банки под лозунгом «*too big to fail*». В ходе нынешнего кризиса есть соблазн сделать акцент на поддержку крупных «системообразующих» предприятий производственного сектора. Между тем под угрозой в развитых странах находятся миллионы малых и средних предприятий, не говоря уже о домохозяйствах. Именно они должны стать объектом первоочередной поддержки⁸³. В противном случае результатом кризиса 2020 г. станет очередной подъем правого популизма и массовых движений антиглобалистов. Весьма симптоматично, что движения правых антиглобалистов имеют меньше шансов в странах с сильными традициями социального государства (например, страны Северной Европы), где дивиденды и издержки глобализации распределяются относительно равномерно между всеми слоями общества.

То же самое относится к неравенству между государствами. Противостояние Севера и Юга. Биполярность обычно воспринимают как геополитическое, военно-техническое экономическое, технологическое и любое иное противостояние Соединенных Штатов и Китая. Однако, на наш взгляд, деглобализация, скорее, приведет к иной форме биполярности — экономическому, а затем и к политическому разъединению глобального Севера и глобального

⁸⁰ Rodrik D. Globalisation after Covid-19: my plan for a rewired planet // Prospect. 04.05.2020.

URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/dani-rodrik-globalisation-trade-coronavirus-who-imf-world-bank>

⁸¹ de Montbrial T. Global public goods: beyond empty words. Letter on Covid-19 // Thierry de Montbrial. 03.06.2020. URL: <https://thierrydemontbrial.com/en/global-public-goods-beyond-empty-words/>

⁸² Goodwin M. COVID-19 Will Reshape Our Relationship with the State // Chatham House. 12.05.2020
URL: https://www.chathamhouse.org/expert/comment/covid-19-will-reshape-our-relationship-state?mc_cid=cc5adcf70&mc_eid=6f24f55c06

⁸³ Baker D. We Need an Economic Survival Package Not Another Stimulus // CounterPunch. 04.08.2020.
URL: <https://www.counterpunch.org/2020/08/04/we-need-an-economic-survival-package-not-another-stimulus/>

Юга. В условиях быстрого развития новых технологий Север сможет резко повысить производительность труда и сократить потребность в рабочей силе. На это же будет работать и увеличение продолжительности жизни и вовлечение в производственный процесс старших возрастных групп. Одновременно будет происходить повышение эффективности использования природных ресурсов и резкое снижение (или вообще преодоление) сырьевой зависимости глобального Севера от глобального Юга. Мы уже наблюдаем эту долгосрочную тенденцию в сфере углеводородов.

Подобная демографическая и сырьевая самодостаточность позволит реализовать лозунги правых популистов о закрытии границ, ограничить торговлю и, как следствие, сократить программы экономического содействия. Север получит возможность не вмешиваться в региональные и локальные конфликты на Юге и т. д. Соответственно, разрыв в уровнях жизни на Севере и на Юге будет расти с ускорением, а опасность зарождения новых пандемий на Юге будет нарастать⁸⁴. Разумеется, какие-то из стран глобального Юга смогут совершить социально-экономический рывок и успешно встроиться в посткризисное международное разделение труда, но таких счастливых, по всей видимости, окажется немного. Остальным будут уготовлены высокая степень социально-экономического неравенства, постоянная угроза сползания в политическую архаику и другие проблемы незавершенной модернизации. Нельзя исключать хронических вооруженных конфликтов — как гражданских, так и международных.

В долгосрочной перспективе глобализация должна включать в себя эффективные механизмы масштабного перераспределения ресурсов от богатого Севера бедному Югу. Главным мотором «Глобализации 2.0» должен стать рост спроса на глобальном Юге за счет формирования там многочисленного среднего класса. Эти механизмы должны быть принципиально иными по сравнению с традиционными программами технической и финансовой помощи, созданными полвека назад⁸⁵. Международные программы помощи уже сегодня являются крайне непопулярными во многих странах Севера и, в первую очередь, в Соединенных Штатах. Некоторые эксперты считают возможным максимально «деполитизировать» эти программы, придав им по возможности чисто технический характер, т.е. перевести их в категорию «глобальных общественных благ». Другой вариант — перевести программы технического и финансового содействия из благотворительного в инвестиционный формат⁸⁶, придавая особое значение социальному предпринимательству в его различных формах.

⁸⁴ Kadakia K., Thoumi A. The coronavirus is a siren for the health-related Sustainable Development Goals // Brookings Institution. 13.05.2020. URL: https://www.brookings.edu/blog/future-development/2020/05/13/the-coronavirus-is-a-siren-for-the-health-related-sustainable-development-goals/?mc_cid=cc5adcf770&mc_eid=6f24f55c06

⁸⁵ Кортунов А. «Туманность Андромеды», редакция Антониу Гутерриша // РСМД. 24.07.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tumannost-andromedy-redaktsiya-antoniu-guterrisha/>

⁸⁶ Carafano J.J. Trump's New Marshall Plan // The National Interest. 02.05.2020. URL: https://nationalinterest.org/feature/trump-s-new-marshall-plan-149966?mc_cid=10a59aa9d2&mc_eid=6f24f55c06

Глобализация, кризис и Россия

Отношение российского руководства к глобализации с начала нынешнего столетия было противоречивым. С одной стороны, официальная риторика первых лет правления В. Путина явно указывала на стремление Кремля превратить страну в органичную часть мировой экономики⁸⁷. С другой стороны, в документах и выступлениях государственных лидеров неизменно отмечались риски, так или иначе связанные с процессами глобализации — углубление неравенства, повышение нестабильности в финансовой сфере, распространение трансграничной экономической преступности и пр. Отдельно обращалось внимание на то, что глобализация не должна подорвать позиции национальных государств как главных игроков в мировой политике и экономике.

Экономисты отмечали наличие сильных протекционистских тенденций в России уже в первом десятилетии XXI в., задолго до начала острого политического кризиса между Москвой и Западом в 2014 г. К примеру, в 2008 г. был утвержден список из 30 с лишним отраслей экономики, иностранные инвестиции в которые допускаются только после утверждения в правительстве (сюда вошли, например, рыболовство, телевидение и радиовещание, издательская деятельность). Впоследствии этот список был существенно расширен⁸⁸. Одновременно происходило усиление контроля над ранее почти беспрепятственной деятельностью на российской территории иностранных общественных организаций и фондов, а в ряде случаев — закрытие их филиалов и отделений в России. Эти тенденции получили дополнительное ускорение после серии цветных революций в ряде бывших советских республик, а также событий арабской весны в государствах Ближнего Востока и Северной Африки.

Существовавший в начале века энтузиазм по поводу возможного вхождения России в международные режимы и организации постепенно начал уступать место подозрительности и растущей неуверенности в отношении ценности этого вхождения для страны. Постепенно стали возникать сомнения и в способности экономической взаимозависимости оказывать сдерживающее воздействие на международные конфликты⁸⁹.

Эти перемены имели под собой вполне объективные причины. По итогам развития процессов глобализации к концу второго десятилетия века приходится заключить, что в России оказалась высока доля тех, кто терял от глобализации больше, чем приобретал — как на уровне элит, так и на уровне

⁸⁷ Путин В. Выступление на деловом саммите АТЭС «Бизнес и глобализация» // Администрация президента России. 15.11.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21117>

⁸⁸ Гурьев С. Деглобализация России // Московский центр Карнеги. 26.01.2016. URL: <https://carnegie.ru/commentary/62541>

⁸⁹ Путин В. Выступление на итоговой пленарной сессии XIV ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Администрация президента России. 19.10.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55882>

общества в целом. Попытки страны встроиться в международное разделение труда в первом десятилетии XXI столетия были отмечены некоторыми успехами, но в целом стали неудачными — структура экспорта менялась мало, полноценно интегрироваться в продвинутые глобальные технологические цепочки по ряду причин (в том числе и не имеющих отношения к экономике) не получилось. С другой стороны, зависимость страны от внешнего мира росла, что порождало новые экономические и политические риски. Финансовый кризис 2008–2009 гг. оказался неожиданным и весьма болезненным для России. После перехода отношений между Россией и Западом в фазу острого кризиса (2014 г.) российская интеграционная внешнеполитическая повестка дня окончательно уступила место геополитической повестке. При том, что по-настоящему продуманной альтернативы комплексной интеграции России в мировую экономику не было предложено — ни тогда, ни позднее.

Можно констатировать, что системный кризис 2020 г. и ускорение процессов деглобализации в целом соответствует доминирующим в России нарративам о глубоком кризисе либерального мирового порядка и об актуальности Вестфальских принципов организации международной системы. Более того, в происходящих в мире событиях можно усмотреть подтверждение *post factum* обоснованности российской стратегии максимального укрепления национального суверенитета, выстраивания жесткой «вертикали власти», реализации многочисленных программ импортозамещения и других приоритетов государственного строительства и экономического развития последних лет⁹⁰.

Не закрывая глаза на все сложности и вызовы, которые кризис 2020 г. поставил перед российским руководством, следует признать, что нынешняя Россия оказалась лучше подготовленной к этому кризису, чем многие ее зарубежные соперники и конкуренты. Российская стратегия уже долгое время ориентировалась на преимущественно враждебное международное окружение, на мир, в котором глобализация отстывает, где геополитические интересы доминируют над экономической целесообразностью, международные конфликты превалируют над сотрудничеством, а односторонние действия оказываются более эффективными, чем многосторонние.

Как и во многих других странах, противостояние системному кризису создает новые источники легитимности для российского руководства и работает в целом против политической оппозиции. В каком-то смысле справедливо говорить о том, что кризис позволяет власти списать многие невыполненные обещания и нереализованные планы прошлого, ссылаясь на «обстоятельства непреодолимой силы». Теоретически можно даже допустить, что сейчас сложились предпосылки для того, чтобы заменить утративший свой мобилизационный потенциал «крымский консенсус» образца начала 2014 г. новым «коронавирусным консенсусом» 2020 г. Но такая замена возможна

⁹⁰ Kramer A.E. Thanks to Sanctions, Russia Is Cushioned From Virus's Economic Shocks // The New York Times. 20.03.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/20/world/europe/russia-coronavirus-covid-19.html>

лишь в том случае, если власть продемонстрирует способность справиться с экономической рецессией и пандемией COVID-19 с минимальными потерями для уровня жизни населения и с сохранением перспективы быстрого экономического роста после кризиса. Пока что вопрос об эффективности российской стратегии борьбы с экономическими проблемами и с вирусом остается открытым⁹¹.

Как и каждый серьезный глобальный кризис, многочисленные катаклизмы 2020 г. не только порождают дополнительные риски, вызовы и угрозы для внешней политики любой страны, но и создают новые возможности и открывает новые перспективы. Россия в этом смысле — не исключение. Специфика российского случая, на наш взгляд, состоит в том, что возможности носят главным образом тактический, ситуативный характер, а угрозы — стратегический и системный. Конкретный баланс возможностей и угроз зависит от большого числа переменных, но в первую очередь от того, как Россия в итоге справится с COVID-19 и экономическим спадом на фоне других стран мира, особенно — на фоне ее основных международных оппонентов. Любое сравнительное преимущество Москвы в борьбе с вирусом и рецессией — будь то в статистике числа инфицированных и погибших или в относительных масштабах экономических потерь — будет так или иначе расширять спектр возможностей России в пост-вирусном мире. Любая неудача — усиливать внешнеполитические угрозы и сокращать возможности. Попробуем составить предварительный список этих возможностей и угроз.

Одной из самых очевидных возможностей, порожденных кризисом и ускорившимися процессами деглобализации, следует считать благоприятные перспективы для более активного продвижения российского нарратива о природе нынешней международной системы, о движущих силах ее развития и о желательных параметрах нового мирового порядка. Как отмечалось выше, на протяжении последних лет российское руководство настойчиво продвигало свою «вестфальскую» картину международных отношений, подчеркивая приоритетность национальных государств и важность суверенитета, выражая сомнение в устойчивости западной солидарности и в эффективности западной многосторонней дипломатии. Текущий кризис не только создает дополнительные аргументы для российской внутренней и внешней пропаганды, но и обосновывает амбиции Кремля выступить в качестве одного из главных архитекторов посткризисного мирового порядка⁹².

Некоторые российские аналитики поспешили также заключить, что либеральная политическая модель в принципе уступает авторитарной по своей эффективности в условиях чрезвычайных ситуаций. Такой вывод представляется не вполне обоснованным, учитывая примеры относительно успеш-

⁹¹ Standish R. Fortress Russia Begins to Show Cracks as Coronavirus Spreads // Foreign Policy. 18.03.2020. URL: https://foreignpolicy.com/2020/03/18/fortress-russia-coronavirus-spread-covid-pandemic/?utm_source=PostUp&utm_medium=email&utm_campaign=20377&utm_term=Flashpoints%20CC&tpcc=20377

⁹² Ellehuus R. Putin and the COVID Crisis: Instability as Opportunity // CSIS. 31.03.2020. URL: https://www.csis.org/analysis/putin-and-covid-crisis-instability-opportunity?mc_cid=6a901092aa&mc_eid=6f24f55c06

ного противодействия пандемии в таких либерально-демократических странах как Новая Зеландия, Тайвань, Германия, Финляндия, Норвегия, Дания и Исландия.

Кроме того, кризис 2020 г. создает, по крайней мере, теоретическую перспективу коррекции международных приоритетов Запада. Одним из итогов глобальной пандемии и рецессии вполне может оказаться перестройка восприятия западными элитами иерархии внешних угроз и, соответственно, сдвиги в системе внешнеполитических приоритетов. COVID-19 и рецессия быстро расшатывают устоявшееся за последние годы представление о России как о «главной проблеме» мировой политики и «главной угрозе» интересам Запада. Едва ли такой ментальный сдвиг быстро приведет к практическим позитивным сдвигам в отношениях Москвы со своими западными партнерами, но возможности для «мини-перезагрузки» в этих отношениях, на наш взгляд, появляются. Как минимум, можно рассчитывать на предотвращение дальнейшей эскалации конфронтации и снижения давления Запада на Москву.

Кризис и сопутствующая ему деглобализация имеют своим следствием расширение «вакуума силы» во многих регионах мира. Популярность предложений по сворачиванию международных обязательств наблюдалась в развитых странах, в первую очередь, в Соединенных Штатах, задолго до начала системного кризиса 2020 г. Однако пандемия и рецессия, по всей видимости, станут мощными катализаторами подобных настроений, которые начнут оказывать все большее воздействие на внешнеполитические практики. Это проявится, в частности, в вероятном сокращении двусторонних и многосторонних программ финансово-экономического содействия глобальному Югу, а также в снижении уровня военно-политических обязательств в отношении партнеров в зоне развивающихся стран. Расширение «вакуума силы» на Ближнем Востоке, в Африке, Южной Азии, а также на территории бывшего Советского Союза способно создать дополнительные ситуативные возможности для российской внешней политики.

На данный момент, однако, речь идет преимущественно о потенциальных возможностях. Приходится констатировать, что в настоящее время на Западе оснований для серьезного пересмотра уже устоявшихся взглядов и воззрений в отношении России найдено не было. Российское предложение отказаться от односторонних санкций на время борьбы с пандемией и рецессией принято не было. Многие западные политики и обозреватели полагают, что Путин — «более опасный вирус, чем COVID-19». Попытки России и Китая предложить более активное международное сотрудничество в борьбе с пандемией часто интерпретируются как стремление Москвы и Пекина использовать пандемию как PR-возможность⁹³. Россия по-прежнему обвиняется в кампании дезинформации и пропаганды в отношении Запада, а также в расшатывании западных политических институтов

⁹³ Mead W.R. China's Coronavirus Opportunity. If the West turns inward, Beijing will continue to exploit the pandemic's chaos // The Wall Street Journal. 16.03.2020.
URL: https://www.wsj.com/articles/chinas-coronavirus-opportunity-11584398121?mod=opinion_lead_pos8

своей поддержке правых популистов и других радикальных политических групп⁹⁴. Кризис не только не смягчил, но еще более усилил взаимное недоверие России и Запада, что препятствует расширению сотрудничества даже в наименее чувствительных сферах.

Анализируя российскую стратегию противостояния пандемии, западные эксперты не сходятся во мнениях относительно того, насколько коронавирус способен создать новые возможности измерения нынешнего состояния отношений между Россией и Западом. Одна точка зрения состоит в том, что пандемия, усугубленная экономическим кризисом и обвалом мировых цен на нефть, должна сделать Москву более уязвимой для западного давления, а потому Запад мог бы заставить Кремль пойти на уступки по важным для западных стран вопросам, вплоть до вопроса о территориальной принадлежности Крымского полуострова⁹⁵. Другие обращают внимание на попытки Кремля сплотить российское общество под знаменами патриотизма и противостояния очередной внешней угрозе. Считается, что с точки зрения российского руководства, COVID-19 не заменяет, а лишь дополняет представления российского руководства о глубоко враждебном мире, окружающем страну⁹⁶. Поэтому для каких-либо подвижек по вопросам, разделяющим Россию и Запад, в условиях пандемии нет никаких предпосылок⁹⁷.

Любопытно, что, оценивая возможности каких-то изменений в отношениях между Москвой и Западом, и первая, и вторая группа аналитиков оценивают исключительно вероятность каких-то шагов со стороны России, по видимому исходя из того, что подвижки со стороны Запада нежелательны, неактуальны или в принципе невозможны. В готовности к таким подвижкам нередко подозревают Д. Трампа⁹⁸, и эти подозрения являются еще одним основанием для того, чтобы поддерживать Дж. Байдена на предстоящих президентских выборах в ноябре.

⁹⁴ Weiss A.S. With Friends Like These: The Kremlin's Far-Right and Populist Connections in Italy and Austria // CEIP. 27.02.2020. URL: https://carnegieendowment.org/2020/02/27/with-friends-like-these-kremlin-s-far-right-and-populist-connections-in-italy-and-austria-pub-81100?utm_source=carnegieemail&utm_medium=email&utm_campaign=announcement&mkt_tok=eyJpIjoiT0RNNU1Ua3hZVEEYTWpoaSlsluQiOiIxVUWVhRS0ZuTG9uNmphRndlZVcrWjdo3pWZTBQZnVVB3XC84OEp5RkNkYVhUclZEZTJvOjU0dkVWJXc8rt2N3ZUWU02hWeH2ia09BQWmHQIMTUI4RDNYSGxyaFJrQmNXaEphMzIMSh4aVBQcUgXk2OwU1NjNUJzUJsb2J3ln0%3D

⁹⁵ Taylor W.B., Pifer S., Herbst J. The Coronavirus Crisis Presents An Opportunity To End War In Ukraine // NPR. 06.04.2020. URL: <https://www.npr.org/2020/04/06/827608458/opinion-the-coronavirus-crisis-presents-an-opportunity-to-end-war-in-ukraine>

⁹⁶ Boulègue M. In a COVID-19 World, Russia Sticks to International Distancing // Chatham House. 19.03.2020. URL: https://www.chathamhouse.org/expert/comment/covid-19-world-russia-sticks-international-distancing?utm_source=Chatham%20House&utm_medium=email&utm_campaign=11441681_Publication%20alert%20Mathieu%20Boulegue%20EC%202020-03-30&dm_j=1S3M,6T8GH,0Z75E,R9WT9,1

⁹⁷ Rumer E. The Coronavirus Won't Make Putin Play Nice // Carnegie Endowment for International Peace. 16.04.2020. URL: https://carnegieendowment.org/2020/04/14/coronavirus-won-t-make-putin-play-nice-pub-81555?utm_source=carnegieemail&utm_medium=email&utm_campaign=announcement&mkt_tok=eyJpIjoiWidVNE1HWTFpVMGM1WkRObSlsluQiOiJXdEtmVTQ1bjF6OFIaZnU0ZTVTVNdVBMepbnkxRGtvM2RUczNvaTUyMnFOV0RZWFVNWUdwdUifXc8zNDMrenVLYWGb2Rcl2R3L3N2WlNoZmZxYdTVLYjd1R05qYlBCakk4K2x4Zk1Oa1FaR2s4eTRRk3dvcGh4VZDRUoyXC9CS3NBm8ifQ%3D%3D

⁹⁸ Fried D., Jain A. Avoiding the 'Realist's' Retreat // The National Interest. 19.04.2020. URL: https://nationalinterest.org/blog/buzz/avoiding-realist-s-retreat-145882?mc_cid=16c662d5cb&mc_eid=6f24f55c06

Разумеется, российские действия по оказанию поддержки странам, особенно сильно затронутым пандемией, неизменно разоблачаются как политически мотивированные и малоэффективные. Используются любые свидетельства, включая и анонимные источники, подтверждающие бесполезность российской помощи и своекорыстный характер российских действий. Даже сам термин «помощь» часто используется исключительно в кавычках. Впрочем, примерно тот же нарратив используется для описания программ помощи, осуществляющихся Китаем⁹⁹.

Помимо всего прочего, пандемия и экономическая рецессия обнаружили ущербность существующей в большинстве западных стран иерархии угроз и вызовов. Заикленность многих политиков на России и традиционной повестке дня в сфере безопасности ничуть не помогла подготовиться к кризису или оперативно ответить на его вызовы. Кризис, однако, породил опасения относительно того, насколько в новых условиях западный и, в частности, американский военно-производственный потенциал сможет соответствовать изменившимся запросам в сфере национальной безопасности¹⁰⁰. Соответственно, среди «ястребов» растут страхи того, что одним из результатов пандемии и рецессии станет сокращение бюджетов НАТО, «умиротворение Путина» и пр.

Можно предположить, что процессы деглобализации, по всей видимости, повлекут за собой, по крайней мере, временное ухудшение экономических позиций России в мире. Опыт последнего глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. позволяет предсказать, что Россия пострадает от новой волны деглобализации сильнее, чем большинство развитых экономик мира. Ближайшие экономические последствия пандемии, насколько можно судить, окажутся не менее значительными, чем в США или в Евросоюзе, а восстановление российской экономики может оказаться более длительным и более болезненным процессом, чем восстановление на Западе¹⁰¹.

Перспективы устойчивого восстановления мировых цен на нефть останутся неясными, накопленные финансовые резервы России будут сокращаться, сроки выхода российской экономики на среднемировые темпы роста будут пересматриваться, угроза вытеснения страны на периферию мировой экономики будет усиливаться¹⁰². Соответственно, возникает угроза сокращения ресурсной базы российской оборонной и внешней политики, включая поддержку российских союзников и партнеров, финансирование междуна-

⁹⁹ Giles K. Beware Russian and Chinese Positioning for After the Pandemic // Chatham House. 9.04.2020. URL: https://www.chathamhouse.org/expert/comment/beware-russian-and-chinese-positioning-after-pandemic?utm_source=Chatham%20House&utm_medium=email&utm_campaign=11468905_Publication%20alert%20Keir%20Giles%20EC%202020-04-09&dm_i=1S3M,6TTGP,07Z75E,RCUL3,1

¹⁰⁰ Zakheim DS. Coronavirus is infecting the weakest link in our defense industrial base // The Hill. 21.03.2020. URL: <https://thehill.com/opinion/national-security/488644-coronavirus-is-infecting-the-weakest-link-in-our-defense-industrial>

¹⁰¹ Newlin C. Coronation, Coronavirus, and the Economy: The Economic Backdrop of a Fifth Putin Term // CSIS. 18.03.2020. URL: https://www.csis.org/analysis/coronation-coronavirus-and-economy-economic-backdrop-fifth-putin-term?mc_cid=d0299b592a&mc_eid=6f24f55c06

¹⁰² Poitiers N., Domínguez-Jiménez M. COVID-19 and broken Collusion: the oil price collapse is one more warning for Russia // Bruegel. 19.03.2020. URL: <https://www.bruegel.org/2020/03/covid-19-and-broken-collusion-the-oil-price-collapse-is-one-more-warning-for-russia/>

ных организаций, участия России в затратных многосторонних инициативах (например, в работе по выполнению Парижских соглашений по климату).

Хотя на данный момент даже самые последовательные критики Москвы вынуждены признать, что кризис пока не потребовал радикального пересмотра российской экономической стратегии или ее внешнеполитических приоритетов¹⁰³, эта ситуация вполне может измениться, если для Москвы кризис окажется более длительным, чем для ее геополитических соперников и конкурентов. Не менее важны и негативные последствия кризиса для «национального бренда», если нынешняя социально-экономическая модель страны в посткризисном мире останется такой же, какой она была до кризиса (и если кризис станет катализатором структурной перестройки мировой экономики в целом).

Определенные риски связаны с возможным дальнейшим подъемом изоляционизма в России. Первая реакция российского общества на усилия Москвы оказать поддержку ряду иностранных государств (от Италии до Венесуэлы) в борьбе с коронавирусом оказалась неоднозначной. Однако в целом пандемия и осложнение внутренней экономической ситуации, безусловно, усиливает изоляционистские настроения и снижает общественную поддержку активному и энергичному внешнеполитическому курсу. Демонстрация российского присутствия на Ближнем Востоке, на африканском континенте и в Латинской Америке, которая ранее рассматривалась в обществе как подтверждение однозначно позитивно воспринимавшейся «великодержавности» страны, все чаще интерпретируется как необоснованное расточительство сокращающихся ресурсов. Можно заключить, что в посткризисном мире обосновать продолжение нынешнего «великодержавного» внешнеполитического курса в глазах населения станет труднее.

Потенциальные вызовы содержатся и в продолжающемся обострении американо-китайского противостояния. Пандемия COVID-19, спровоцировавшая глобальную рецессию, придала этой тенденции дополнительное ускорение. Начавшаяся президентская избирательная кампания в США идет под знаком соревнования Д. Трампа и Дж. Байдена в демонстрации жесткости по отношению к Пекину. Противостояние двух стран препятствует эффективной работе Совбеза ООН, ВОЗ, «Группы двадцати» и других международных организаций. Для России складывание жесткой биполярности, помимо общих для всех участников международных отношений системных рисков, несет с собой и специфические дополнительные угрозы. В условиях биполярности растущая асимметрия экономических и технологических потенциалов Москвы и Пекина становится все более заметной, а возможности сотрудничества с реальными или потенциальными оппонентам Китая (например, с Индией, Вьетнамом и даже с Японией) становятся все более проблематичными.

¹⁰³Scribner Q. Russian Economic Sovereignty in the COVID-19 Age // Chatham House. 11.06.2020.

URL: https://www.chathamhouse.org/expert/comment/russian-economic-sovereignty-covid-19-age?utm_source=Chatham%20House&utm_medium=email&utm_campaign=11618239_Publication%20alert%20Ryhor%20and%20Quin%20ECs%202020-06-17&dm_i=1S3M,6X0OV,U3D40B,RSTFL,1

Что же касается воздействия кризиса 2020 г. на российско-китайские отношения как таковые, то есть основания полагать, что существующий сегодня разрыв между политическими и военными измерениями сотрудничества двух стран с одной стороны, и экономическими и социальными измерениями с другой, будет и дальше расширяться. Политическое взаимодействие будет укрепляться на фоне снижения стабильности на глобальном и региональном уровнях, за ним будет следовать и укрепление военно-стратегического и военно-технического взаимодействия. С другой стороны, сочетание целого набора неблагоприятных факторов (пандемия, коллапс цен на нефть, замедление китайской экономики), по всей видимости, приведет к существенному снижению объема двусторонней торговли России и КНР. Если даже экспорт российских углеводородов в Китай в 2020 г. не сильно сократится в физическом выражении, то в стоимостном отношении сокращение будет более ощутимым. Эксперты предсказывают также вероятное падение импорта России из Китая — особенно болезненное в том, что касается высокотехнологичного оборудования и комплектующих.

Россия, как и Соединенные Штаты, никогда не была лидером в разработке принципов и механизмов многосторонности. В Москве традиционно придавали больше значения многополярности или полицентризму. Естественно, российские консервативные националисты пытаются извлечь максимальные политические дивиденды из очевидной неспособности Запада придерживаться провозглашаемых ими ценностей солидарности и коллективных действий¹⁰⁴. Либеральная риторика многосторонности объявляется либо лицемерием, либо самообманом либерально настроенных аналитиков. Пример Италии, особенно сильно пострадавшей от пандемии, тут особо показателен.

С другой стороны, масштабы глобальных проблем, высветившихся в 2020 г., позволяют России попытаться позиционировать себя как ответственного игрока мировой политики, готового к международному сотрудничеству поверх идеологических барьеров и политических разногласий. Отсюда — призывы к объединению усилий, повышенная активность Москвы в ООН, в G20 и в других международных организациях. В этом смысле пандемия начинает выполнять в российской внешней политике ту роль, которая ранее была закреплена за международным терроризмом. Пока что, однако, призывы Москвы чаще всего игнорируются западными партнерами. Во-первых, потому, что в искренность российского руководства просто не верят, и российские предложения рассматриваются как как один из инструментов ведения информационной войны против Запада. Во-вторых, потому,

¹⁰⁴ Стоит заметить, что и у России возникли сложности в координации противодействия COVID-19 даже со своими ближайшими партнерами. В частности, пандемия стала если не причиной, то, по крайней мере, поводом для очередных трений между Москвой и Минском, причем белорусское руководство жестко критиковало российское руководство как за «односторонность» российских мер по ужесточению пограничного контроля, так и за российских подход к борьбе с COVID-19 в целом. См.: Ryhor A., Anais M. Belarusians Left Facing COVID-19 Alone // Chatham House. 16.04.2020.

URL: https://www.chathamhouse.org/expert/comment/belarusians-left-facing-covid-19-alone?utm_source=Chatham%20House&utm_medium=email&utm_campaign=11483314_Publication%20Alert%20Ryhor%20and%20Anais%20EC%202020-04-17&dm_i=1S3M,6U4KY,07Z75E,REF32,1

что для западных лидеров не вполне ясно, насколько российская сторона действительно способна внести ощутимый вклад в международное противодействие коронавирусу. Тем не менее работу на этом направлении следуют активизировать и дальше, апеллируя не столько к конкретным руководителям, сколько к общественному мнению стран Запада.

Возможно, впереди Россию ждут несколько лет деглобализации, которые могут растянуться до середины и даже до конца третьего десятилетия XXI в. Подчеркнем еще раз — период деглобализации, при всех его издержках и рисках для России, создает относительно благоприятные условия для продолжения нынешнего внешнеполитического курса, откладывая вопрос о существенном обновлении концептуальной основы и инструментария российской внешней политики. Однако, нельзя забывать о том, что рано или поздно новая волна глобализации накроет весь мир, включая и нашу страну. Нетрудно предсказать, что эта новая волна будет выше, мощнее, чем все то, что мир уже пережил в конце XX – начале XXI вв. Значит, к этой волне нужно готовиться уже сегодня, чтобы не отстать от других ведущих игроков мировой политики и не повторить ошибок, сделанных в ходе «Глобализации 1.0».

Речь идет не только о том, чтобы скорректировать нынешние представления российской власти, которая по-видимому воспринимает текущие процессы деглобализации как исторически необратимые. Еще более сложной задачей представляется преодоление доминирующих в российском обществе настроений самодостаточности, крайней подозрительности в отношении внешнего мира и даже неприкрытого изоляционизма, вытекающих из российского исторического опыта, национальной психологии и общественных инстинктов¹⁰⁵. Российское общество должно воспринимать окружающий мир в первую очередь не через призму вызовов безопасности, а через призму возможностей собственного развития. Фундаментальная задача российской внешней политики на этапе «Глобализации 2.0» — помочь российскому обществу встроиться в наступающий глобальный мир, не принося в жертву глобализации своей национальной идентичности.

Задача очень трудная, но решаемая. Не надо забывать, что российская цивилизация изначально возникла как побочный продукт международного торгового пути «Из варяг в греки»¹⁰⁶, а потому склонность к закрытости и восприятие внешнего мира как враждебного и опасного не может считаться имманентной особенностью этой цивилизации.

¹⁰⁵Кортунов А. Крепость или бункер? // РСМД. 13.07.2020.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/krepost-ili-bunker/>

¹⁰⁶Kortunov A. Open Borders Are Russia's Birthright // RIAC. 14.08.2014.

URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytcs-and-comments/analytcs/open-borders-are-russia-s-birthright/>

Заключение

При всех неясностях, касающихся предстоящего периода деглобализации и предполагаемой точки последующего разворота к «Глобализации 2.0», представляется очевидным, что человечеству предстоит пройти через очень сложное десятилетие. Эта сложность многократно возрастает, если целью становится не только минимизация ущерба от разрыва или существенного ограничения привычных экономических, финансовых, гуманитарных и иных связей, но также подготовка наименее болезненного перехода мирового социума на новый уровень глобализации в 30-е гг. текущего столетия. Соответственно, резко возрастают требования к качеству как государственных лидеров, так и национальных элит (политических, экономических и интеллектуальных).

Наверное, главным уроком последних 30 лет должно стать понимание того, что сами по себе рыночные механизмы не могут быть универсальным решением экономических и политических проблем ни на уровне отдельных элементов глобальной социальной системы (государств), ни на уровне системы в целом. Соответственно, рыночные механизмы — как на уровне государств, так и на уровне международной системы — должны быть дополнены осознанием национальными элитами своей социальной ответственности и продуманными стратегиями балансирования задач содействия экономическому росту и сохранения социальной справедливости. Иными словами, стихийная глобализация неизбежно будет воспроизводить кризисы и регулярно порождать импульсы к деглобализации, если она не будет дополнена адекватными механизмами глобального управления.

Сложность планетарного транзита к новой модели миропорядка усугубляется еще и тем обстоятельством, что изменения правил игры в мировой системе происходят одновременно с изменениями баланса сил внутри системы, причем кризис 2020 г. стал катализатором не только первой тенденции, но и второй тоже¹⁰⁷. Обе тенденции весьма болезненны для основных игроков и повышают привлекательность стратегий, основанных на приоритетности ближайших узконациональных интересов. В наступающем десятилетии на мировой арене, скорее всего, не будет глобального лидера, готового взять на себя функцию регулятора транзита и главного генератора глобальных общественных благ. По разным причинам таким лидером, насколько можно судить, не станут ни Соединенные Штаты, ни Китай, ни Европейский союз, ни Россия. В этих условиях особое значение приобретает способность элит основных мировых игроков достичь консенсуса относительно базовых правил игры на переходный период. О сроках переходного периода к новой модели глобального управления пока говорить трудно, но, скорее всего, он растянется, как минимум, до середины текущего столетия.

¹⁰⁷Mahubani K. The West's incompetent response to the pandemic will hasten the power-shift to the east // The Economist. 20.04.2020.
URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2020/04/20/kishore-mahubani-on-the-dawn-of-the-asian-century>

К сожалению, приходится констатировать, что нынешняя генерация правящих элит в большинстве стран мира, относящаяся к поколению «*baby-boomers*» (1945–1965 г. р.) оказалась не на высоте тех требований, которые предъявила ей история. Отсюда — провал «Глобализации 1.0», выразившийся в нежелании или неспособности выйти на новый уровень глобального управления, несмотря на очевидную потребность в таком переходе. Отсюда — наступление контрэлит в лице популистов, националистов, антиглобалистов, которое шло с ускорением со времени кризиса 2008–2009 гг., и которое во многом подготовило неожиданный для многих кризис 2020 г. Отсюда — упорные попытки искать решения проблем, вызванных кризисом миропорядка, возвращаясь назад, а не идя вперед.

Однако, сам кризис 2020 г. стал мощным ускорителем процесса обновления элит¹⁰⁸, и этот процесс, по всей видимости, на протяжении 2021–2024 гг. приведет к фундаментальным генерационным сдвигам в элитах большинства стран мира. На смену *baby-boomers* придут представители поколения X, то есть люди, родившиеся в 1965–1985 гг., и даже поколения Y («миллениалов»), родившихся в 1985–2000 гг.¹⁰⁹ Можно предположить, что эти поколения — первые поколения, сформировавшиеся в реальностях XXI столетия — окажутся более восприимчивыми по отношению к общечеловеческим ценностям и более готовыми к коллективным действиям. Хотя, разумеется, идеализировать поколения X, Y и идущее за ними поколение Z было бы неправильным¹¹⁰.

С точки зрения перспектив «Глобализации 2.0» и качества глобального управления особенно важно то, насколько новое поколение элит будет готово к масштабному и исторически продолжительному перераспределению связанных с глобализацией благ от выигравших проигравшим — как внутри отдельных стран, так и между ними. Остается открытым вопрос о том, насколько для такого сдвига в сознании будет достаточно смены поколений или же потребуются какое-то внешнее потрясение, по своим масштабам и последствиям далеко превосходящее системный кризис 2020 г.

«Никогда не позволяйте хорошему кризису пропасть даром» — эта парадоксальная сентенция, которую приписывают Уинстону Черчиллю, сегодня актуальна как никогда. Глобальный системный кризис, спусковым крючком которого стала пандемия коронавируса, не должен пропасть даром ни для России, ни для других государств. Очень не хотелось бы, чтобы реакция международного сообщества на события 2020 г. оказалась столь же близорукой, боязливой и столь же неадекватной, как реакция на события 2008–2009 гг. Кризис никому не дает оснований зачеркнуть прошлые ошибки или

¹⁰⁸Кортунов А. Коронавирус как проблема отцов и детей // РСМД. 27.03.2020.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-kak-problema-otsov-i-detey/>

¹⁰⁹Приведенные временные диапазоны поколений в значительной мере условны; у социологов нет консенсуса относительно конкретных дат смены одного поколения другим. Кроме того, время появления нового поколения в тех или иных странах и континентах мира может существенно отличаться от других стран и континентов.

¹¹⁰Кортунов А. Социализм – светлое будущее Америки? // РСМД. 02.08.2019.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sotsializm-svetloe-budushchee-ameriki/>

забыть о былых достижениях. Но кризис — это не просто удобный повод, но и основательная причина для того, чтобы перетряхнуть старый внешне-политический гардероб. Наверняка при ближайшем рассмотрении в этом гардеробе найдутся вещи, изрядно траченные молью, уже не вполне актуальные по своему размеру или просто давно вышедшие из моды.

Об авторе

Андрей Кортунов — генеральный директор Российского совета по международным делам. Он занимает пост генерального директора РСМД с 2011 г. До этого он совмещал ряд должностей в Институте США и Канады РАН, в том числе был заместителем директора Института. Основные направления его научной деятельности: международные отношения на современном этапе и внешняя политика России.

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повышения эффективности внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную образовательную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Членами РСМД являются ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей Кортунов. В 1995–1997 гг. Андрей Кортунов занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8

russiancouncil.ru